

Дина Типпиус

Чужая здесь,
не своя там

Том второй

16+

Рина Гиппиус
Чужая здесь, не своя
там. Том второй
Серия «Дорогами Адарики», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57487179

SelfPub; 2020

Аннотация

Когда большая и чистая любовь оборачивается разочарованием, когда теряешь самого близкого человека, когда обретение дара не радует, а приносит муку, что остаётся делать? Уж точно не отчаиваться, а строить новую жизнь в новом месте с новыми людьми.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	45
Глава 4	72
Глава 5	94
Глава 6	112
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Глава 1

Я думала, что Саганион просто обязан был измениться. Ничуть. Он остался таким же. Оно и понятно – я покинула его совсем недавно. Хотя, мне и казалось, что прошёл минимум год, а то и не один.

После портала Данфер притих, да я и сама впервые им воспользовалась – до этого как-то не приходилось. А лишние слова, казалось, спугнут волшебство перемещения. К тому же и ощущения были не из самых приятных, хоть наместник и попробовал утешить:

– Это с непривычки. Скоро все пройдёт.

Как будто мне позволят еще куда-нибудь отправиться...

От Управления перемещениями до резиденции наместника путь был короткий, но Данфер успел оживиться и засыпать меня кучей вопросов. Я терпеливо отвечала.

В Саганионе нам предстояло задержаться на несколько дней. Сколько точно – сказать было нельзя. Будет зависеть от того, как долго со мной провозятся следователи, и как долго будет решаться вопрос с Данфером. Официально я все же считалась его похитительницей.

Я заходила в дом, опять же, думая, что меня будет сжигать обида, тоска, горечь. Ничего. Только когда проходили мимо музыкальной комнаты, я не выдержала и всхлипнула. Данфер крепче сжал мою руку и обеспокоенно посмотрел. Я

выдавила из себя подобие улыбки.

В бывшую свою комнату заселиться не смогла. И как не настаивал бывший опекун, я попросила Эидис подготовить комнаты мне и Данферу в том крыле, где была мастерская Руна.

И пока мы располагалась, обычно молчаливая Эидис без умолку делилась новостями.

Эдель Фордис активно занялась благотворительностью. Целыми днями она теперь пропадала в больницах и приютах. Наместник злился. Зато Эйрик радовался – удушающая забота матушки ослабла. Хотя, эдель Фордис все равно неусыпно за ним следила: «Чтобы мальчик не утомился».

Диль готовилась к свадьбе. Даже не столько к торжеству, сколько к переезду к будущему мужу, ведь праздник устраиваться не собирались. Только скромный, тихий обряд, хоть и в главном храме Саганиона.

Рун уехал, а вместе с ним и его сестры. Даже Иса не бросила брата. Их родовое поместье ещё не было облагорожено, но жить там вполне было можно.

Эидис принесла мне парочку моих старых платьев, которые я когда-то забыла здесь. Я выбрала один из нарядов, самый неброский, оказавшийся заметно свободным.

Данферу тоже нашлось пару костюмов. Новые, совсем ещё не ношенные Эйриком – с его больной ногой такие носить неудобно.

Мысленно занесла в список: купить побольше самой луч-

шей одежды мальчику. Мальчишки же активно протирают, рвут штаны, рукава на куртках. Пока мы добирались до Саниона, этот список ощутимо рос.

Мне не хотелось бросать Данфера одного, а сам он не желал пока выходить на общий ужин. Столько всего неизвестного, неведомого, нового, а потому пугающего. Непривычная ему обстановка.

Поэтому ели мы в моей комнате.

Надеюсь, Ровенийские не обиделись, что я не пришла на ужин.

Данфер быстро уснул утомленный событиями дня и долгой дорогой.

Ко мне же сон не шёл.

В музыкальной комнате было видно, что сюда давно никто не заходил, разве только что слуги порядок наводили – пыли не было. А вот инструменты стояли как будто неприкаянные, брошенные.

Флейта моя лежала на том же месте, где я её и оставила при последнем посещении комнаты. Как давно это было... Когда я уезжала, то и мысли не возникло забрать её с собой. Не до того как-то было. Играть получается только тогда, когда душа хочет, требует. Иначе это просто извлечение наборов звуков из инструмента, бездушно, механически.

И вот сейчас нестерпимо захотелось вспомнить давно забытые ощущения, когда от дыхания образуются звуки, струятся, летят, завораживают слушателей и играющего.

В саду было уже свежо, но холода я особо не чувствовала. С ногами забралась на крышку старого колодца и достала флейту. Бережно, как сокровище.

Первые звуки получились рваные, прерывистые. Мне не сразу поддалось отчасти подзабытое умение. Я как будто искала нужную мелодию, подбирала её, перебирала, чтобы найти то звучание, которое не просто льётся, а доставляет удовольствие, которое может смыть гарь воспоминаний и обид. Все ж таки призраки прошлого хоть и отступили, но не так уж и далеко.

На обратном пути меня уже дожидалась эдель Фордис. Она сидела на скамеечке у пианино, на котором, со времен короткого им увлечения Диль, никто не играл.

– Здравствуй, Астари.

При виде меня она поднялась. А голос у неё тихий, приглушённый, уставший, даже как будто чуть осипший.

Эдель Фордис сделала ещё один шаг мне навстречу, вскинула руки в порыве меня обнять, но не обняла. Её остановил мой колючий взгляд.

Вот только в её глазах промелькнула такая горечь, что я не выдержала и сама обняла.

– Астари, девочка моя, – всхлипнула эдель Фордис.

Она пригладила мне волосы, провела рукой по щеке, плечу, другой рукой удерживая мою ладонь. Я еле совладала с порывом отдернуть руку.

– Как же ты похудела... – Вздохнула женщина.

А у меня, всмотревшись в её лицо, промелькнула мысль: «Как же вы постарели». Но такое говорить эдель нельзя.

За эти несколько месяцев чистая, гладкая кожа лица эдель Фордис покрылась ещё не особо заметными, но уже обозначившимися морщинами. Но даже не это выдавало изменения. Взгляд, чуть померкнувший, как будто выцвел, утратил былую яркость.

– У тебя что-то случилось? – спросила она обеспокоено. Я покачала головой.

– Ты так редко мне писала, а на последние письма вообще не ответила. У тебя точно все в порядке?

И она, и я знали – я сейчас совру. Ну какой может быть порядок, если я стою перед ней в старом, висящем мешком на мне платье, а на щеках только-только высохли слезы?

– К сожалению, я была в отъезде, а почтовик с собой не брала. – Я почти не соврала.

– Так не стоило поступать, – упрекнула меня эдель Фордис, – я же волновалась. Да и родители твои, наверняка, тоже.

Чтобы не сказать лишнего, я попросту промолчала.

– Ты здесь по каким-то делам, а иначе бы не приехала, да?

– Так получилось.

– Все верно, ты уже взрослая, живешь своей жизнью. Зачем тебе люди, вырастившие тебя.

– Ну зачем вы так?

Мне стало обидно от упрёка.

Хотя, с другой стороны, я бросила матушку Фордис в самый тяжелый для неё момент. Не смогла с ней разделить горе, может быть чем-то облегчить страдания, горечь потери. Но иначе я не могла, не выдержала бы здесь больше. Предел есть у всего.

Частично я это озвучила.

– Все так. Ты права. На тебя столько всего навалилось. А ты, девочка моя, так и не видела ещё толком счастья. – Она сжала мои руки и пристально заглянула в глаза. – И если ты не будешь всех нас видеть, но от этого станешь хоть чуточку счастливее, то я готова принять такое твоё решение.

От неожиданности и изумления я даже не стала выдергивать руки из крепкого хвата хрупкой эдель.

– Я не могу с вами, но и совсем без вас... Это неправильно. – Я покачала головой. – Не часто, но я буду вас навещать.

Слова дались мне с трудом, и я не особо была уверена в разумности такого решения. Меня проняла настолько глубокая скорбь в глазах матушки Фордис, что даже ком в горле возник, и другой ответ произнести не получилось.

К завтраку мы с Данфером все же вышли. Во время приветствия и знакомства он крепко держал меня за руку, как будто боялся, что я оставлю его одного среди этих незнакомых, хоть и представленных, людей. Хотя, думаю, он видел в них намного больше, чем я.

За столом было непривычно малоллюдно. Только наместник, его супруга и Диль. Эйрик спускаться не стал. И я по-

дозревала – не потому, что ему было тяжело, скорее всего стеснялся своего увечья.

Данфера эдел Вистар представил как моего подопечного, над которым я в скором времени возьму опеку.

Все с удивлением посмотрели на меня, а я на наместника. Неужели ему удастся это проверить? Я хоть и рассчитывала на подобное, но вот уверенности совсем не было.

– Астари, ты же сама только вышла из подопекунского возраста, – громким шёпотом, но так, что слова были слышны всем, произнесла Диль.

– И что? – Хмура спросила я.

– Не сильно ли ты молода для такой ответственности?

– Нет, – твердо ответила я.

– Неужто папенька позволит тебе?

– Диль! – Наместник не сильно повысил голос, но девушка замолчала.

Блондинка хитро мне улыбнулась, подмигнула и приступила с уже постным выражением лица к завтраку.

А Данфер смотрел на нее такими глазами... Как Эйрик смотрел обычно на книгу, которая оказывалась самой интересной из всех, что он читал до этого. Как Сивина смотрела на самый прекрасный цветок в саду. Ну и так далее. В общем, как на неожиданное увиденное чудо, сокровище.

Красавица перехватила взгляд мальчика и вопросительно изогнула бровь. Данфер смутился и быстро перевел свое внимание на еду в тарелке.

– Ну, рассказывай, чем понравилась? – Не выдержав, спросила я, как только мы вернулись к себе.

Данфер не захотел осмотреть дом и сад.

– Кто? – Полные недоумения глаза.

Я хмыкнула.

– Дильмари.

– И вовсе она мне не понравилась.

Увы, также как Диль, я бровь изогнуть не могла, поэтому обошлась словами.

– Не верю.

– Да я же говорю – не понравилась. – А краска смущения уже выступала даже на ушах. – Она просто... такая!

– Какая?

– Ух... ну не знаю. Необычная. Представь себе огонек, заключенный в лед.

– Разве такое возможно?

– А разве так сложно просто представить?

Данфер даже глаза закатил.

– Знаешь, ты наверно видишь все же не ауры, а что-то другое... – задумчиво заключила я.

И моих скудных знаний хватило, чтобы понять – ауры, это нечто другое. Возможно, более многогранное и многоцветное. А Данфер использует лишь такие определения: тепло, холод, огонь, лед. И цвета только с ними связанные. Самим нам в этом точно не разобраться.

– И что?

– Надеюсь, скоро узнаем и со всем разберемся.

Меня вызвали в Управление внутренней стражи. Бросать Данфера одного не хотелось, да и не то, чтобы одного – просто без меня.

– Не переживай, я присмотрю за ним, – заверила меня Диль. – Найдем, чем заняться. Баловаться не будем.

Не переживать я не могла, но была уверена – эти двое найдут общий язык. Ну и может Эйрик, наконец-то, выберется из своего убежища.

– Ты знаешь куда я иду?

– Догадываюсь. Везет мне оказываться в неудачное время в ненужном месте и слышать то, что мне не предназначается.

Диль ничуть не изменилась.

До Управления сопровождал меня, разумеется, бывший опекун.

Все тот же эд Фритъеф ожидал меня в кабинете.

– Доброго дня, несравненная эдель Астари. – Он кивнул мне, приглашая присесть. – Вас похищают с завидной регулярностью.

Радущие и улыбка его не казались напускными, но не особо вязались со словами.

– Как уж вышло, – буркнула я, не разделяя странного и неуместного восторга.

– Что же в вас такого, что настолько привлекает похитителей? Ведь у всех были разные причины.

Он даже голову склонил к плечу и чуть прищурил глаза,

будто прикидывал, что и впрямь такого во мне?

– А то вы не знаете.

– Вдруг вы что-то новое поведаете?

– Не думаю. Стечение обстоятельств, родственные связи. Мои собственные качества тут не причем. Не могла же я их заинтересовать как личность?

– Кто знает...

На этом благодушие следователя закончилось. Уже вполне сухим, строгим голосом он начал засыпать меня вопросами.

В некоторые моменты мне приходилось нелегко – не все ситуации я могла поведать. Например, видение или... прощание с Никласом.

Порой казалось, что следователь понимает – я что-то не договариваю. Он намеренно переспрашивал по несколько раз одно и то же, сыпал вопросами, иногда, предположениями, временами очень странными предположениями.

Я сбивалась, эд Фритьеф хмурился, но на лжи подловить меня не смог.

Мне было боязно спрашивать, но я не сдержалась – поинтересовалась судьбой Никласа.

– Утром, после попытки вызволить вас из поместья, туда прибыл еще один наш отряд, так как никто из предыдущего не вернулся. Никого из живых на территории обнаружить не удалось.

Я вздохнула слишком громко. Следователь внимательно

посмотрел мне в глаза. Он явно ловил все мои эмоции и реакции.

– Эдел Никлас обнаружен также не был.

– Но как так? – Я, конечно, была рада, что его не было среди погибших, но не понимала, как это произошло. Точнее делала вид, что совсем-совсем не понимала. Догадка же одна была, вернее надежда. – Он же самостоятельно передвигаться не мог...

– Никаких следов и зацепок, указывающих кто и куда мог увезти вашего знакомого, не было найдено.

Неужели тот старик действительно сдержал слово? Оставалось только гадать. Сдержать вздох облегчения мне удалось, хотя под проницательным взглядом эда Фритьефа это было тяжело.

Мои сомнения следователь тут же уловил и принялся с особым усердием заваливать новыми или перефразированными старыми вопросами.

Прошлая наша беседа, по сравнению с нынешней, была милой дружеской болтовней.

– Знаете, Астари, вы удивительная девушка, – когда у следователя, наконец, закончились вопросы, вдруг произнес он.

Я удивленно приподняла брови.

– Да-да. Несмотря на все перипетии жизни, вы все равно...

– Не опустила руки, не поддалась унынию и вообще, странно, что до сих пор живу? – Совсем не как эдель, пере-

била я. Страх ушел, остались лишь усталость и раздражение.

– Не совсем так, но вроде того, – хмыкнул эд Фритьеф. – М-да, наглость молодости... Можете идти, эдель Астари.

Еще мое отличие от «истинной» эдель – совсем не умею принимать комплименты. Правда, они были несколько обидными что ли...

Не знаю, каким бы увидел Фритьефа Данфер, но мне думалось, что следователь представлял из себя закрученную спираль, где витки чередовались из огня и льда, и только он сам выбирал, какой виток преобладает в нужный момент.

***

– Как-то подозрительно легко все прошло. Не ожидал, – протянул наместник.

В этот раз в кабинете следователя он со мной не сидел. Оставив меня, он уехал по делам. Как оказалось, решал вопрос с Данфером. О нем мы теперь и разговаривали, когда вернулись домой.

– Это же хорошо, – я не столько утверждала, сколько спрашивала.

– Пожалуй. Дело обстоит так. – Настроение у бывшего опекуна было явно хорошее. Мало того, что улыбался весьма довольнo, он еще и закинул руки за голову и откинулся на спинку кресла, приняв расслабленное положение. Все эти действия подчеркивали постоянные его утверждения, как

будто он решил постоянно мне об этом напоминать, что я не чужая, а своя. – Мать Данфера не отказывалась от подданства Адарии. Возможно, рассчитывала когда-нибудь вернуться. Соответственно, она не могла принять подданства Лаксавирии. В связи с этим, Данфер – подданный Адарии. Именно это обстоятельство и облегчило нам задачу. Через несколько дней от Мирвари Икстли придут все необходимые документы, где она подтвердит право передачи опеки над Данфером тебе. Усыновить его ты не сможешь, он же не сирота. А совсем уж отказываться от сына Мирвари не стала.

– И его мать так просто согласилась? – Выдохнула я.

В отличие от наместника, я сидела в напряженной позе, даже спина затекла, а руки нервно сжимали юбку.

– Не просто. Однако, были приведены такие доводы, что не согласиться она не могла. В Адарии мальчику ведь будут обеспечены все условия, чтобы он мог получить достойное образование, воспитание. Так ведь?

Мне ничего не оставалось, кроме как кивнуть.

– Астари, ты действительно уверена, что потянешь такую ответственность? Диль отчасти права – ты ведь так молода...

– Потяну, не сомневайтесь, – уверила я его. – Эдел Вистар, а почему вы нам так рьяно помогаете?

– Ты близкий нам человек. Да и почему я не должен помогать, если могу? – Видимо мой взгляд выражал неприкрытый скепсис, так как наместник запнулся, но продолжил: – Можешь считать это еще и компенсацией.

Во рту у меня стало горько.

Бывший опекун добавил:

– К тому же после войны магов в Адарии поуменьшилось, поэтому к каждому одаренному ребенку теперь пристальное внимание. С этим и связано решение сделать школы для них бесплатными.

«Что не помешало все также неохотно воспринимать одаренных женского пола», – заметила я про себя.

– И после этого вы оставите нас в покое? – Я сама не верила в это, но попытаться стоило.

– Астари, – с укором произнес эдел Вистар. – Я очень надеюсь, что ты не будешь больше пропадать, во всех смыслах этого слова, и будешь сама, вместе с Данфером, конечно, нас навещать.

Не ответил на вопрос, да еще и укор сумел выразить. Политик.

Вот интересно, наместник указал на то, чтобы приезжали, а по какой причине? Действительно хочет меня видеть, как бывшую воспитанницу и не чужого человека, или потому, что так проще меня контролировать?

И тут пришла внезапная догадка. Наверняка, такое скорое содействие в решении проблемы с Данфером было еще и потому, что теперь, когда я отвечаю еще и за мальчика, то точно никуда не сбегу и не пропаду по собственной воле. Да и вообще, к своей безопасности буду относиться строже.

Горечь пришлось запить водой.

– Компенсация, говорите... А могу я попросить об еще одной?

Наместник благосклонно кивнул.

– Вы можете попросить, – я выделила это слово, – мастера Джетмира, чтобы он взял меня в ученики?

Бывший опекун нахмурился, разом сбросив все благодушные. Он одарил меня уже не особо добрым взглядом вкупе с каплей изумления.

– Вот не дает тебе покоя магия. Зачем тебе это?

Я не отвечала. Он не поймет меня – мужчина, всегда имевший свободный доступ к своему дару, получивший отличное магическое образование.

– Видишь ли в чем дело... Эд Джетмир не простой человек. Он талантливый мастер-артефактор, добившийся немалых успехов на своем поприще и благодаря этому он обладает и некоторыми привилегиями. М-м-м... на него сложно давить...

– Я прошу всего лишь о просьбе, – заметила я.

– Просьба такова, что просто так согласия не добиться. Думаешь почему он согласился помочь нам на границе? Деньги, какие-то уступки, привилегии? У него всего этого и без того хватает. Обычный интерес. Проверка своих возможностей. Ему было интересно, нет, даже важно узнать, сможет ли он справиться. Смог.

– Думаете, я его не заинтересую... – Заключила я.

– Скорее всего нет. Прости, но твои данные слишком

скудны, чтобы работать с мастером. Поэтому просить смысла нет, а воздействовать на него не получится.

– За ним кто-то стоит, кто выше вас? – догадалась я.

– Молодец, догадалась. Зачем тебе этот мастер? Может попробуешь поступить в Университет?

– Я подумаю.

– Если что, обращайся. Котелок пройти помочь не смогу, но с остальным – пожалуйста.

Вот из-за котелка я и не могла туда даже пробовать поступать. Вдруг направит на провидческий? Тогда все, конец спокойной жизни. Хотя, какая там спокойная... Но зачем усугублять?

– А может попробовать найти другого учителя, если так хочешь заниматься? Что ты в этого уцепилась?

– Других в Геделприме я не знаю. Да и этот самый лучший, вы же знаете.

Вот только какой в этом толк? Силы у меня мало, мастерства нет и не факт, что появится. Но я хочу ещё раз попробовать.

***

В этот раз ни одного осуждающего взгляда не было, когда я пришла на кладбище с белыми розами. А вот эдель Фордис и Диль не стали отходить от традиций.

В гранитной вазе у надгробия уже стояли те же белые ро-

зы.

– Каждую неделю приносят, – сказала Диль, кивнув на них.

От кого были цветы, я могла бы понять, только взглянув на блондинку. Её руки чуть дрожали, когда она ставила свои цветы в вазу, предварительно заменив в ней воду. С каким-то благоговением Диль прикасалась к белым бутонам. В этот момент глаза её также угасали, как и у матери.

Ровенийские тактично отошли в сторону, оставив меня наедине с подругой.

– Здравствуй, родная.

Я провела рукой по шершавому и холодному камню надгробия. Четкие выгравированные буквы скупно передавали всю ту горечь потери родных. «Мы всегда будем тебя помнить.» Разве можно забыть?..

Шёпотом я разговаривала с ней. Как будто она и впрямь рядом. Поделилась с ней рассказом о последних событиях. Увы, радостного было мало. Но я, казалось, что слышу, будто наяву: «Ты справишься. А я буду рядом. Просто помни обо мне».

– Мне очень тебя не хватает.

Ветер растрепал мои волосы.

Возвращались мы в тягостном молчании.

Вечером после ужина Диль позвала меня на террасу. Бросать одного Данфера было уже не столь боязно – он не скучал. Ещё днём Эйрик все-таки решился спуститься и попри-

ветствовать нас. Оба мальчика сумели найти общий язык.

– Держи, – Диль протянула конверт.

Внутри оказалось приглашение на свадьбу.

– Там же будут только самые близкие.

– Я хочу, чтобы ты тоже присутствовала.

Я с сомнением посмотрела на неё.

– Рини нет, не бросай и ты меня.

И я сдалась.

Хотелось спросить, будет ли и Рун там, но догадывалась – приглашение он получил, но вот согласился вряд ли. Может, оно и к лучшему.

****

Перед отъездом в Геделрим эдел Вистар вызвал меня на ещё один разговор.

– Когда ты была одна, то ещё могла себе позволить отсутствие прислуги. Но теперь, когда с тобой этот мальчик, такое поведение попросту неприемлемо. Вот список женщин, которые могут стать твоими помощницами по дому. Их подобрала одна знакомая моей супруги из Геделрима. Все они имеют хорошие рекомендации и большой опыт. А насчёт оплаты можешь не беспокоиться – я обо всем позабочусь.

Мне казалось, что от возмущения даже мои кудряшки стали топорщиться сильнее. Я нервно их пригладила.

– Эдел Вистар, если вы настаиваете, чтобы я завела при-

слугу, то я сделаю это, – процедила я, ничуть не успокоившись. Хотя и понимала, что одно дело обслуживать только себя, а другое – ещё и мальчишку. – Но выберу я её сама. И жалование вполне могу обеспечить.

– Поэтому для тебя и был подготовлен целый список.

– Я же сказала – сама, – тихо, но твёрдо возразила я.

Бывший опекун прищурил недобро глаза, но кивнул.

– Учти, на благонадежность выбранных тобой кандидатур, все равно будут проверять.

А дальнейший наш разговор напоминал спор на рынке: кто выторгует большую выгоду. Я – за свободу, наместник – за контроль.

– Я больше не заложница!

– Пойми же ты, упрямый ребёнок, безопаснее от этого твоя жизнь не стала. А на тебе теперь ещё и мальчик. О нём-то ты думаешь?

Результатом наших переговоров стало то, что охрана у меня все равно будет. Не то, чтобы пристальная и тотальная, но более тщательная, чем ранее. Но в дом свой я соглядатаев пустить отказалась.

Ну и как минимум раз в две недели наместник будет ждать письмо от меня самой.

– Это просьба. Мы с эдель Фордис очень надеемся, что ты к ней прислушаешься.

Я вытребовала у наместника еще и обещание, что Данфера точно трогать не будут.

«Спасибо, что помогли с ним, но дальше я сама».

Гарантий никаких не было, надавить я не могла, осталось только честное слово. А есть ли оно, это слово у политиков?

Глава 2

Дом. Короткое слово, но вмещает так много.

То место, куда я сбежала ото всех, но где поняла – одиночество не выход. То место, куда мне хотелось возвращаться. Место, которое обязательно станет моим *домом*, пристанищем. Я не могла знать этого наверняка, но очень надеялась и хотела этого.

Теперь же, я как будто смотрела на него в первый раз. Или раньше не обращала внимание особо? Двухэтажный, с покатой черепичной крышей и тёплыми стенами цвета охры. Милый и уже почти родной.

– Нравится? – Спросила я у Данфера.

Мы подъехали к дому и теперь стояли на лужайке перед ним. Мне безумно хотелось, чтобы и для подопечного моё пристанище стало родным домом.

Мальчик рассматривал строение с любопытством, но все же несколько настороженно.

– На втором этаже есть две свободные комнаты. Твоя – любая из них на выбор.

Разумеется, Данфер выбрал ближайшую ко мне спальню. Разбаловала я мальчишку – он отказывался засыпать без зеденивской сказки на ночь. Как будто нагонял то, чего был лишён ранее. И отказывать я ему не могла. Хотя в остальном Данфер и пытался показать, что он уже не маленький. В этом

мы были очень похожи.

Дня три мы обустранивались, приводили дом в порядок, так как за полуторамесячное отсутствие пыли скопилось не мало. И откуда только набралась? К уборке я беззастенчиво привлекла и Данфера. Честный труд – дело благородное. К тому же потом, зная сколько усилий требует порядок, будет аккуратнее. Хотя, у Данфера и без того с аккуратностью было все в порядке. Породой даже чересчур.

А вот дар Даника, как я стала его называть ласково, очень нам пригодился, когда мы выбирали помощницу по дому.

Я отказалась от помощи наместника в этом вопросе, поэтому пришлось сначала поразмыслить, где же нам искать помощницу. Хотела поинтересоваться у соседей и тут поняла: за то время, что я пробыла в Геделрине, я даже не удосужилась с ними познакомиться. Пришлось срочно исправлять недоразумение.

Я, опять же, поступала совсем не как эдель. Нужно было организовать дома званый ужин, пригласить гостей или познакомиться через знакомых. Но ни то, ни другое меня не устраивало. Званый ужин я бы сама не потянула – готовила не настолько хорошо, да и не пристало это эдель. А знакомых у меня в этом городе крайне мало. Сказывалась прежде всего моя замкнутость и нежелание кого бы то ни было подпускать к себе. Теперь же хотелось наверстать все.

В результате я напекла черничных пирогов, которые стали у меня получаться значительно лучше, потому как не при-

горали и оказались вполне съедобными и вроде бы вкусными. В чем убедился сначала Даник, получивший пару подзатыльников, когда пытался умыкнуть лишние кусочки, хотя до этого вполне наелся.

Итог: сосед слева оказался отставным военным. Правда, об этом мы узнали не от него и значительно позже. Он открыл дверь нам сам, окинул хмурым взглядом, буркнул что-то вроде приветствия, выслушал моё и забрал пирог, хлопнув перед нашими носами дверь. Приятный тип. Мы с Даником переглянулись, похихикали и пошли искать счастья у соседей справа.

Дом у них был раза в три больше нашего. Дверь нам открыл не дворецкий, ни кто-то другой из прислуги, ни даже хозяин, если только будущий. Дверь открыла прелестная девочка лет пяти, которая вместо приветствия улыбнулась нам щербатой улыбкой – не хватало передних зубов.

– А деда с бабой в саду, – заявило нам это чудо.

И даже любезно проводило в сад.

Я насчитала около десяти детей разных возрастов, снующих по внушительному саду, больше напоминавшему парк. А во главе всей этой неугомонной братии были «деда и баба». Они-то, узнав кто мы есть, тут же пригласила нас на свои посиделки. Хотя сидящих там замечено не было.

Нас быстро втянули в разговор, точнее меня, а Даника – в игры.

А ещё всем по душе пришёлся мой пирог. Да так, что при-

шлось идти за добавкой, благо я наготовила с запасом.

Не отпускали нас до самого вечера. Хотя и самим уходить не хотелось. Уж больно атмосфера была тёплой.

Представились мы сердобольному семейству как брат с сестрой, которые временно оказались без присмотра родителей. Те, якобы, уехали по делам. Честно говоря, я была уверена, что соседи мне не поверили, но почему-то приняли такие мои объяснения... Мое же появление здесь ещё раньше я объяснила тем, что заранее готовила дом к приезду брата, хотя и не особо в этом преуспела. К тому же так и не смогла найти подходящую помощницу по дому.

Суетливая женщина, а старушкой как-то язык не поворачивался её назвать, с неугомонной и неунывающей деятельной жилкой решила нас взять под своё крыло.

Когда мы с Даником уже шли домой, я не удержалась и спросила:

– А какие они?

– Тёплые такие. Приятные, – протянул мой подопечный. – А эда Элодия... Она так вообще искристая!

– Это как?

– Не знаю как объяснить. – От досады он потёр лоб.

– Ладно, не переживай. Вот пойдёшь в школу через месяц и там тебе объяснят, научат. Все обязательно поймёшь.

– Надеюсь, – вздохнул Даник.

– Не сомневайся.

Эда Элодия подсуетилась и через пару дней организовала

нам список наилучших кандидаток на должность помощницы по дому. Беспокоить и дальше женщину не хотелось, но она сама вызвалась, да ещё и весьма рьяно, хоть и не назойливо. Казалось, что ей действительно было приятно нам помочь.

– Не посоветую я тебе плохого, – соседка похлопала меня по руке, затянутой в перчатку, поэтому я не дернулась. – Позволь старой женщине просто помочь деткам, оставшимся одним. И как вас только родители смогли оставить?

Спустя еще несколько дней у нас на пороге появились соискательницы. Эда Элодия также вызвалась присутствовать при «собеседовании». Она не была бесцеремонной, она была... ну как квочка, которая беспокоилась о своем выводке. И почему-то нас она быстро приняла за своих.

– Еще задурят вам головы. Хоть и старалась подобрать не абы кого, но мало ли...

В этой ее молниеносной заботе не было навязчивости. Не было чувства, как будто душат и лишают выбора, как я ощущала от эдела Вистара. Была искренняя забота о «цыплятках», оказавшихся без присмотра. И при ней у меня не было желания хорохорится: «я сама справлюсь, я сама все знаю». Ее теплота и внимание были обескураживающими. От такой заботы у меня комок в горле порой возникал.

Совместными усилиями мы выбрали помощницу – женщину по имени Банафрит. Чем-то она мне напомнила и нашу неожиданную покровительницу: бойкая, активная, даже

шебутная, но какая-то... душевная, что ли. Наверно, та, которая была нужна нашему тихому болотцу.

Разумеется, я не преминула поинтересоваться у Даника:

– Какая она?

– Искрит, – рассмеялся он.

И даже чуть прищурился, как будто грелся в ее искрах или лучах, как будто даже это сияние слепило.

Я теперь частенько спрашивала у Данфера о том или ином человеке: какой он? Было интересно соотнести наши мнения. Иногда любопытство возникало даже о первых встречах. Меня поражало многообразие оценок и описаний. Все в чем-то разные, в чем-то схожие. Кто-то ярко горел, кто-то был слишком тусклым, чтобы быть интересным. Я и сама иногда пыталась угадывать. Но ответ совпадал в одном случае из десяти.

Следующая неделя прошла... как феерия! Банафрит ураганом пронеслась по дому. Чистотой блестили даже самые укромные уголки, куда я и не догадалась бы заглянуть. А уж готовила наша домоправительница как!

Эта женщина уже не тянула на просто помощницу по дому. Мне даже иногда казалось, что она – настоящая владетельница нашей обители. Наше скромное хозяйство она взяла крепко в свои не слабые руки. В общем-то, оно и к лучшему, потому как я стала забывать о своем титуле, хоть и не произносила его больше нигде.

И все же нам удалось найти ту грань, которая не возвы-

платит наемного рабочего, но и не принижает его перед нанимателем. Не то, чтобы дружеские, или сродни родственным отношениям, но что-то вроде того.

Постепенно жилище приобретало не только чистоту, но и уют. Необходимые вещи, а также бытовые мелочи, бездельюшки превращали его в уютное гнездышко. Учитывая теперь уже двух наседок – определение было наиболее точным.

Я не могла нарадоваться, а иногда даже поверить, что все действительно налаживается. Но уже не казалось странным, что люди, которых я знала так мало, стали такими близкими.

Данфер... Поначалу испуганный зверек, оказавшийся в незнакомом месте, обстановке, он долго привыкал, обживался. Не всегда с охотой участвовал в наших общих начинаниях, но втянулся.

Его комнату три ненормальных женщины хотели обставить по своему вкусу, учитывая, что он у каждой разный, но тут маленький мужчина проявил твердость характера, разве только что кулаком по столу не стукнул. «Я сам выберу».

Мы даже умилились, но скрыли улыбки от сурового Даника.

В результате комната Данфера, по моему мнению, выглядела несколько аскетичной, строгой, но действительно мужской. Я не возражала – пусть сам свободно выбирает, как ему удобнее, потому как на уговоры Банафрит повесить хотя бы «веселенькие» занавесочки, Даник ответил категорическим отказом. Если его все устраивает – значит так тому и быть.

Эда Элодия и Банафрит... Две женщины, непохожие происхождением, положением, но так схожи по характеру. Я, как и Даник, отогревалась в их присутствии. Их деятельные натуры заражали такой же активностью, что порой и мне сложно было усидеть на месте.

Пока эту брызжущую энергию удавалось направить только на обустройство дома.

Соседка практически каждый вечер звала нас на свои семейные ужины. Было приятно становиться хоть немного сопричастными к этому большому, дружному семейству. Пусть и в качестве гостей, но явно желанных. Ну а Данферу шло только на пользу общение со сверстниками. Внуки четы Рекур могли разговорить даже самых застенчивых – все в бабушку.

Хотя изредка и хотелось отдохнуть от шумной компании. Тогда мы с Даником устраивались в его спальне, где, несмотря на скромность обстановки, было приятно находиться, и я вновь вспоминала так полюбившиеся Данферу зеденивские сказания.

Обе женщины часто сетовали, что я жутко худая. К тому же с Банафрит мы много времени вместе проводили на кухне – мне хотелось освоить еще немало блюд. Помощница в такие моменты, и это еще помимо обедов, пыталась напичкать меня лишним, хотя, по его ее мнению отнюдь не лишним, кусочком чего-нибудь вкусного.

Я помнила, как уезжая от Ровенийских и эдель Фордис

заметила мою худобу в очередной раз и добавила:

– А знаешь, тебе идет. Осталось только убавить грусти в твоих необыкновенных глазах.

Тогда-то мне было все равно, как я выгляжу.

А сейчас, когда немного схлынули тяготы, когда мысли занимали не только нерадостные события, я как будто заново себя разглядывала в зеркале. Настолько давно не обращала внимания на собственную внешность. Я и впрямь будто бы увидела другого человека. Сильнее выдавались скулы, глаза казались больше, придавая моей внешности большую экзотичность, нездешность. Ну а губы, за которые Диль когда-то обзывала жабой... Рот был все также широковат, а губы не в меру пухлыми. Кто ж его ушьет? Но вкупе с остальными чертами, все выглядело органично.

Повертелась, разглядывая фигуру. И не так уж и худа. Можно было бы желать и побольше объемы в районе женских прелестей, но поправься я – вряд ли там что особо прибавится. Не для кого желать выглядеть лучше, чем я есть. А если и найдется... Не буду думать о плохом.

Вот только есть продолжила все так же понемногу, несмотря на трепетную любовь к сдобе и сладостям.

По приезде в Геделрим я так и не открывала почтовик. Было боязно читать письма от родителей. Вдруг напишут то, что пропасть между нами сделает только глубже, непреодолимей?

Малодушно, трусливо, я откладывала чтение писем на по-

том. Может было слишком кошунственным купаться пусть в не так давно обретенном счастье с чужими по крови людьми, в то время как я не знала, что там с родными.

Даже когда уже наконец достала письма с ящика, долго не могла решиться прочесть.

«Я категорически была против этой затеи. Не одобряла, ругалась, молила, призывала. Но кто послушает женщину, когда власть у мужчин? Вся беда мужчин в том, что они мыслят слишком широко. Что им за дело до мыслей и чаяний слабых женщин, детей, когда они решают судьбы всех их вместе взятых? Как, как я должна была понять и принять, что твоя жизнь менее ценна, чем чьи-то другие? Чудовищный выбор, но я сделала его, не раздумывая: ты дороже тысячи неизвестных мне людей. Да даже пусть и известных. Доводы разума, рассудка? Чушь. Материнское сердце – большие я ничего слушать не хочу».

В этом месте слова были не особо разборчивыми, как будто чернила плохо проявились. Что странно, так как кристалл почтовика был еще достаточно заряжен. А это значит, на оригинале письма были слезы...

Всхлипнула и утерла свои.

«Я ненавижу политику, ненавижу всех этих чудовищ, что развязали войну».

Прости меня, дочь, что я всего лишь слабая женщина, которая не может пойти по головам, чтобы прекратить эту несправедливость. Как же я хочу тебя увидеть...».

Мамины письма... Сумбурные, сбивчивые, полные любви, отчаяния, надежды...

Мама писала так много о ненависти к властям и всем тем, кто развязал войну, что я начинала опасаться, как бы она не начала ненавидеть отца. Он-то не остановил войну, хотя, наверняка, мог.

Сам отец написал всего лишь одну строчку: «Прости и пойми».

Я отказывалась понимать нелюбовь к своей семье, которую заменяла ответственность за всю страну. Эгоистично, неправильно это было. Но не понимала.

Я не знала, будут ли у меня свои дети, потому как пока что ни на шаг не приблизилась к этому. Одно я знала точно – ради своих близких, того же Данфера, я наплюю на все государства вместе взятые.

Несколько дней я ходила погруженной в свои мысли, рассеянной и задумчивой. Пугала близких. Пока эда Элодия не решила взбодрить меня и повезла всю нашу компанию в крупнейшую оранжерею Геделрима.

А там, совершенно случайно, нам встретилась Сивина.

Никогда не питала слабости к цветам и прочей раститель-

ности. Растёт, цветёт, благоухает. Кому-то нравится, а мне было все равно. Мне нравилось лишь делать их из проволоки и бисера. Отчего-то искусственная красота, произведенная своими же руками, пленяла меня больше.

Вот только попав в оранжерею, я чуть не задохнулась от восторга. Концентрат прекрасного! Яркие, или скромные, но милые, пестрые, или робко окрашенные в нежные цвета, без запаха, или пахнущие так, что голова кругом, утопающие в зелени раскидистых листьев, самые разнообразные цветы поражали своей красотой, изяществом, а некоторые и простой.

Одна из работниц оранжереи устроила нам экскурсию, рассказывала дотошно, но не заумно и скучно о своих подопечных, которые, и это было видно по её взгляду, обращенному на растения, словно её дети, были родными и взлелеянными.

По началу и меня рассказ заинтересовал, но довольно быстро я отстала от нашей группки, в которой были Элодия и её внучки, под предводительством работницы.

Напевая под нос незамысловатую мелодию, я шла по дорожкам и разглядывала все это великолепие.

– Хорошо-то как! – негромко вслух произнесла я. Прикрыла глаза и вдохнула пряный, пьянящий аромат, чересчур насыщенный, но все равно очень приятный.

– Полностью с тобой согласна, – раздался знакомый голос. Я обернулась и увидела Сивину.

Чуть растрепанная прическа, руки в земле, повязанный и также заляпанный землёй передник.

– Я тут помогаю, – она заметила мой удивленный взгляд и пояснила.

Взмахнула рукой, убирая непослушную прядку. На щеке остался темный след.

И, несмотря на несколько неопрятный вид, выглядела Иви значительно краше сестры. По крайней мере для меня. Не той яркой, уже расцветшей красотой, а мягкой, только-только начинающей раскрываться. Ну а добрая улыбка и открытый взгляд только добавляли приятных красок в картину её привлекательности.

– Неужели работаешь? – Спросила я.

Я подошла к ней, достала платок и вытерла след от земли. Как когда-то для меня делала Рини... Сама-то Иви нескоро заметит, что выпачкалась. Рассеянная и мало обращающая внимание на свой внешний вид.

– Не поймут же. Не положено, – вздохнула Иви. – Поэтому просто помогаю.

И мы обе замолчали. Неловкость и тишина. Никто из нас не знает, что сказать. Да и что уместно будет?

Вот только я подзабыла уже, что из всего окружения у Ровенийских, Иви была самым искренним, светлым человеком. Разве только что ещё Рини... А уж из Натсенов так точно.

Она обняла меня первой, опять забыв про грязные руки. Провела ими по моим плечам, чуть сжала.

– А я скучала.

– Я тоже.

– Ты так и не приехала нас проводить.

– Вы тоже.

– И то верно, – невесело усмехнулась Иви. – Как-то не до того было.

– Вот и у меня также. Да и разве меня у вас будут рады видеть?

– Обязательно, – уверенно заявила младшая из Натсенов.

А вот я не была уверена, что старшие Натсены того же мнения.

Мы никогда много или очень доверительно не общались с Иви. Да и она не из самых разговорчивых людей. Все как-то больше сама в себе, своих мыслях. Должно быть у неё этих мыслей очень много, раз не всегда легко из них выныривала.

Вот только рядом с Иви всегда было легко и... тепло.

Тепло. Все чаще я использовала такое определение, а все влияние Даника.

Я никогда не слышала от Иви злого, недоброго слова вообще или о ком-то в частности. Светлая, добрая девушка. И я действительно по ней соскучилась. Тихому, вкрадчивому голосу. Говорила она и впрямь обычно немного, но чаще всего, как говорится, «не в бровь, а в глаз».

– Мне бы не хотелось, чтобы мой приезд к вам был неприятным сюрпризом для твоих брата с сестрой.

– Не будет. Приезжай смело.

Я очень хотела ей поверить, поэтому согласилась.

Домой я возвращалась не с соседкой, а сама.

Хотелось ещё прогуляться. Одной. Хотя, погода не располагала. Осень уже настойчиво пыталась доказать, что она имеет право хозяйничать.

Побродив немного по шумным улицам города, я пришла к так полюбившейся мне чайной.

Посетителей, как и я, озябших под пронизывающим ветром, который и загнал их в большинстве сюда, было много. Свободных мест не наблюдалось. Расстроенная, я уже хотела было покинуть чайную, как один из официантов, уже знакомый мне по прошлым приходам, провёл меня до столика, на котором стояла табличка «Заказан».

— Гость ещё нескоро придёт, поэтому пока можете тут присесть. Потом, как только другой столик освободится, вы пересядете. Вы же не против? — Учтиво поинтересовался молодой человек.

Ещё бы я была против.

Горячий, душистый чай с примесью ароматных травок грел руки и отогревал изнутри.

Мне нужны были эти минуты одиночества, как бы я им не тяготилась раньше, чтобы поразмыслить о встрече с Сивиной.

Вот зачем мне ехать Натсенам? С Иви мы можем видаться и тут, в Геделриме. Как я поняла, её помощь в оранжерее — на постоянной основе и больше напоминала все же работу.

А вот с Рун и Игельна... С ними я рассталась не самым лучшим образом. С каждым своё, но от этого не менее непримиримое. Может, зря пообещала младшей?

Чай уже давно остыл, а заказанное пирожное рассеянной, безжалостной рукой было превращено в мешанину из крошек.

– Местечко в углу у окна освободилось, ваше любимое, – отвлёк от размышлений официант.

– Но если хотите, можете остаться и здесь. Вы мне не мешаете.

Ну прямо-таки день встреч!

Он оказался настолько загорелым, что был лишь ненамного светлее, чем я. Учитывая, что хозяин скромного домика у границы в Лаксавирии был светловолосым, а значит, наверняка и являлся обладателем очень светлой кожи, на солнце он явно находился много. На фоне смуглой кожи светло-серые глаза горели особенно ярко. Холодные глаза именно горели...

Я хотела поступить в своей излюбленной манере – сбегать.

– Оставайтесь, – уже настойчивее произнёс тот самый незнакомец, что так сильно помог нам с Даником.

Не попросил, скорее приказал. Ишь, раскомандовался!

Не сбежала и осталась сидеть на месте. И пока мужчина разглядывал меню, я разглядывала его.

Теперь-то мне было видно, что волосы у него не просто

светлые – выгоревшие. А в уголках глаз в мелких морщинах солнце не смогло пригреться. Только вот не похож он на часто улыбающегося.

Внешний вид незнакомца был каким-то небрежным. Несколько растрепанные волосы с милыми колечками завитков, рубашка, расстегнутая на одну пуговицу больше, чем положено, рукава чуть закатаны. Одежда точно дорогая, но, как мне казалось, для носящего её, была важна не цена, а качество.

Потом моё внимание переключилось на его руки. Крепкие и тоже сильно загорелые. Грубоватые даже на вид. Руки человека, который явно умеет ими работать и не гнушается этой работы. Вспомнились руки Рона. Сильные, заботливые, хоть и оказались лживыми. Белые, лощённые, с длинными пальцами аристократа. По сравнению с руками хозяина дома, руки Рона были как у неженки.

Мужчина не был красивым в общепринятом смысле, но что-то привлекательное в нем определенно проявлялось. И это заметила не только я. Сидящие за соседними столиками дамочки не без интереса разглядывали моего нечаянного спутника. Мне же, к чему я давно привыкла, доставались неприязненные взгляды.

– Я тоже закончил изучение, – произнес он, отложив меню.

Мой взгляд упёрся в крошево на тарелке.

– Здесь есть обычный чай? – С раздражением спросил все

ещё незнакомец.

– А чем вас не устраивает этот? – Я кивнула на перечень того, чем угощают тут.

– Боюсь, он будет пахнуть как парфюмерная лавка.

И покосился на мою чашку.

Надо же, унюхал что-то. Но ведь приятно же пахнет!

– Мне такой нравится, – из чистого упрямства вставила я.

– Не сомневаюсь.

Я со вздохом отобрала чайную карту, открыла последнюю страницу и, указав на нужные строчки, вернула обратно.

– То, что нужно. Спасибо, – хмыкнул он.

Дальше мы чаёвничали уже в молчании. Мне принесли свежий напиток, который пах самой лучшей парфюмерной лавкой.

«Он заказал столик заранее, но при этом оказался недоволен столь обширным ассортиментом чая. Зачем тогда вообще сюда пришёл?», – размышляла я.

Впрочем, мужчину, вероятно, тишина абсолютно не смущала. А я вот чувствовала себя неудобно.

– Меня зовут Стейнир, – прервал тишину он и, наконец-то, соизволил представиться.

От неожиданности я растерялась и молча на него уставилась. Если назвал имя, значит хочет не просто познакомиться, но и продолжить знакомство. А зачем? Хотя, странный вопрос. Зачем ещё знакомятся?

По выжидательному взгляду стальных глаз и нетерпели-

вому постукиванию пальцев по столу я поняла, что несколько увлекалась в мысленных предположениях. Он назвал своей имя, а я нас чуть не поженила. Надо все-таки чаще общаться с людьми.

– Астари.

Вот так, обошлись без фамилий, титулов. Более чем достаточно.

– Как же вы перебрались через границу, Астари?

Тут же стало не по себе и как будто даже зябко.

– Зачем вам это знать?

– Беспокоился.

А если не так? Или беспокоился по причине того, что мы, наоборот, миновали границу? Позволить себе такую роскошь как доверие, тем более к почти первому встречному, я не могла. Хотя ещё пару минут назад надумала бог весть что про нас. А с другой стороны, она нам очень помог...

– Без проблем перебрались.

И ведь не соврала.

Вероятно, такой ответ вполне устроил Стейнира.

Пока я цедила одну единственную чашку с парфюмированным чаем, Стейнир выпил целый чайник.

Он больше не беспокоил меня вопросами. Сама же я с разговорами не лезла.

Впрочем, одни вопрос они мне все же задавал с периодичностью в пять минут.

– Я закажу вам что-нибудь к чаю?

Не утруждая себя ожиданием моего ответа, хотя я и яростно качала головой, Стейнир на свой вкус заказывал мне угощения.

Стол уже был уставлен разнообразными пирожными, печеньем. Я глотала слюну, глядя на все это великолепие голодными глазами. И молила всех богов, чтобы желудок меня не выдал. А все мой зарок – ни крошки лишнего! За фигурой слежу...

Отказываться было бесполезно – стол целенаправленно, настойчиво, со странным упрямством заполнялся сладостями.

Может, все же мой горестный вздох, а может и возрастающая в глазах паника, дали Стейниру понять – пора с этим заканчивать.

– Прошу прощения, я, вероятно, вас задерживаю. Позвольте вас проводить.

Ложка, которой я ковыряла ещё мною заказанное пирожное, с противным звоном стукнулась о тарелку. В тарелке уже давно был не бисквит, а почти мука.

– Не позволю! – Чуть ли не взвизгнула я.

Я только представила, как Элодия и Банафрит прильнут к окнам, а потом и замучают расспросами, когда увидят меня с этим эдом. Или эделом? Я не определилась. Было в нем и то, и другое. Не спрашивать же, уточнять. Будь у меня чуточку больше бесцеремонности, ну прям как у моей соседки порой...

На миг мне показалось, что глаза Стейнира, чуть оттаив-

шие, затянуло льдом.

Ведь могла же смягчить отказ, объяснить... Не успела.

– Тогда, действительно, не смею задерживать, – холодным голосом отчеканил Стейнир.

Он кивнул мне и стремительным шагом покинул кафе. На столе осталась значительно большая сумма, чем стоил его заказ. И это помимо так и не оценённых пирожных.

От расстройства я не удержалась и попробовала то пирожное, которое настойчивее всего на меня смотрело и так и манило завитушками крема.

В пропасть диеты, с такими огорчениями!

Глава 3

Первые дни, как Данфер пошёл в школу, он возвращался мрачнее тучи. Вытянуть же из него причины такой хмурости мне не удавалось. А говорить с учителем-куратором за спиной подопечного казалось не очень честным.

Спустя неделю мне удалось-таки разговорить Данфера. Одно наложились на другое. Сверстники Даника, а классы набирали по возрасту, уже многое умели, так как пришли в школу на пару лет раньше. Моему же мальчику приходилось их в спешном порядке догонять. А взяли его в этот класс по причине достаточно развитого дара. Одноклассники охотно задирали Даника, а он толком не знал, как дать им отпор. Одному против многих... К тому же тут ещё наложились завышенные и не сбывшиеся ожидания по поводу учебы в целом. Данфер-то думал, что его сразу же всему научат, все разъяснят. А оказалось – все постепенно. Только по общим предметам, таким как правописание, история, география, арифметика и другие, ему предоставили чуть более ускоренный курс. С даром же его работали неспешно. Данферу же вообще казалось, что подвижек не было и все слишком медленно развивается. Хотя, по сравнению с другими учениками, он на порядок выше владел своим даром.

Но главное, ему, наконец-то, рассказали о сути его дара. Данфер видел не самую ауру, а скорее внутреннюю сущность

человека, которая проецировалась в том своеобразном виде. Сложнее было дать оценку этой сущности. Ведь она зависела от многих факторов: настроение человека, его общее состояние, отношение к окружающим в данную минуту людям и самому Данферу, и многое другое. Вот и заключалось в основном обучение Данфера в работе с этими тонкостями: отбрасывать ненужное, выделять главное, выявлять, анализировать. Хотя, наставники обещали со временем научить его распознаваться и ауры – предпосылки к этому были. Но все это – кропотливый и нелёгкий труд, а порой и тяжело преодолеваемый. Данику же хотелось здесь и сейчас...

Я не справлялась.

Вспоминала себя, когда оказалась в тяжелом состоянии и как из него выбиралась. В общем-то по-разному, но для начала, со мной была, к примеру, Рини, матушка Фордис...

Но Данфер – мальчик. Я не всегда могла найти для него уместное слово, подсказать нужный совет. Ну а как разрешить мальчишеские разборки – совсем не знала и не понимала.

Эд Канер, муж Элодии, говорил, что это обычное дело и Данфер сам разберётся.

Я же переживала, не находила себе места и не находила решения проблемы.

А разговоров по душам больше не получалось. И я потихоньку начала впадать в отчаяние, видя, что с каждым днём Данфер словно угасает.

– Я сам, – отвечал он на все мои вопросы, чем я могу помочь ему.

Собственно, сам он и разобрался. Совершенно по-мальчишески – банальной дракой.

Я сидела и краснела, хоть румянец и не особо был замечен на моих щеках, перед куратором Данфера. Оказывается, он умудрился подраться с главным задирай, но тем не менее и неформальным лидером класса. Несильно, но пострадали оба. Впрочем, это не освободило их от обоюдного наказания – уборки школьных дорожек от опавших листьев.

Однако результат драки в целом можно было назвать положительным: нападки на моего мальчика прекратились, его приняли за «своего» и больше не задирали. А когда наладились отношения со сверстниками, учеба тоже стала даваться легче.

Все это было хорошо, вот только я пыталась донести до Даника, что решать проблемы кулаками, а не словами – последнее дело. Подопечный кивал, но было ясно, что он оставался при своём мнении.

Вот если бы с ним поговорил какой-нибудь мужчина, который бы был для Данфера авторитетом. Увы, такого в нашем окружении не было.

За переживаниями за Даника, я совсем забыла о приглашении Сивины. Вспомнила, когда шла мимо оранжереи. Несколько дней раздумий и я решилась.

Мое прошлое представлялось мне камнем, который веревкой был привязан ко мне. Вережка была расслабленной, совсем не мешала, провисала, когда я стояла на месте. Стоило только начать двигаться, желать что-то поменять в жизни, стремиться к этому, осуществлять, решать самой свое будущее – веревка натягивалась, камень двигался, но тяжесть мешала движению вперед. Как только я отпускала какое-то событие, не обязательно прощала, как было с Никласом, просто принимала, возможно, сожалела, но отпускала – кусок от камня отваливался, становилось легче.

Поэтому я и поехала к Натсенам.

Путь был не самый близкий, но я как раз укладывалась в то время, что Данфер находился в школе.

Я проезжала мимо владений эда Астела. Давно я туда не навещалась. Однако успела узнать, что Звездочку все-таки продали. Не дождалась меня...

Экипаж обогнал всадник, показавшийся смутно знакомым. Стейнир? Или я сама придумала, слишком надеясь на такое совпадение. В любом случае окликнуть я его не успела – всадник стремительно удалялся. Мне до сих пор было стыдно за то глупое восклицание. Могла бы ведь и потерпеть расспросы Элодии и Банафрит. Или я сильнее испугалась собственной реакции? Мне безумно хотелось, чтобы он меня проводил и столь же сильно я этого боялась. Страх влю-

биться – еще один кусок булыжника-прошлого. Вот только чем отколоть его? Вряд ли я еще раз встречу Стейнира. А жаль. Да и я, к тому же, так и не утолила своего любопытства: выше ли он меня? Рядом мы не стояли...

***

У него был совершенно пустой взгляд. Равнодушный, блеклый. Черные глаза больше не горели яркой обсидиановой глубиной. Они были тусклыми, как потрескавшаяся грязь на дне высохшей лужи. Если бы его увидел Данфер, то я уверена, она бы сказала, что Рун не холодный, и уж тем более не горячий. Никакой.

Он шел следом за мной и Сивиной и молчал. В то время как его сестра весело щебетала – рассказывала и показывала, как они здесь устроились. Веселость и разговорчивость Иви были напускными. Такое поведение для нее – неестественно. Младшая из Натсенов не любила привлекать к себе внимание.

В поместье многое поменялось, в особенности по сравнению с тем, что я видела тут, когда была впервые.

Больше всего Сивина гордилась садом, которым занималась преимущественно сама.

– Сейчас в разгаре осень и, к сожалению, всего великолепия ты не застала. Вот как приедешь летом... – заверила меня Иви. Переубедить и огорчить ее не стала.

Оказалось, что Рун кое в чем, но помогал Иви в саду, что несказанно удивило меня. Я обернулась к нему. Рун спокойно встретил мой взгляд. Даже улыбнулся, но улыбка – пустая, будто безжизненная, совсем не красила его осунувшееся лицо. Он молча кивнул мне, указывая на свою сестру.

Мы с Иви остались в саду вдвоем. Рун пошел работать, а Игельна вообще даже не появилась, чтобы поздороваться со мной.

– Я не знаю, что с ним делать... – вздохнула Иви.

Она бросила на меня взгляд полный надежды. Так обычно смотрят дети на взрослых, когда уверены, что те способны справиться со всем на свете. А ведь между нами разница всего в пару лет...

Я покачала головой. Если он сам не хочет дробить свой груз прошлого, слабая сестра точно не поможет, как бы ни старалась. И тем более я.

Иви поджала губы, отвернулась, словно жмурясь. Она не плакала, но плечи ее поникли. Не то она ожидала.

Мои пальцы сжались в кулаки. На секунду мне показалось, что швы на перчатках не выдержат.

Младшая Натсен отошла от меня чуть подальше, подняла обломленный неизвестно кем цветок хризантемы и чуть задержала руку с бутоном у стебля. Иви вернулась на дорожку, а бутон, чуть покачиваясь, остался на стебле. Как так и было.

Я не сдержала удивленного возгласа.

– Вообще, Рун хотел дождаться моего двадцатилетия, но

я его заверила, что справлюсь. А брат всегда верил в меня...

– Как давно?

– Как он вернулся насовсем. Иса не захотела убирать блок
– у нее сил не очень много.

Мы дошли до скамейки и присели.

– Рун помогает мне с даром, обучает общим методикам. Он, понятное дело, мало разбирается в моей сфере. Да мне много и не надо. Основы-то я знаю, хоть и немного. Пока хватает и этого.

– Маг земли. Кто бы мог подумать?..

Я улыбнулась. Нет, в то, что Иви обладает именно этим даром, я вполне могла поверить. Достаточно было взглянуть как трепетно она относилась к растениям, как любила проводить время именно на природе. А вот в то, что Рун сам снимет блокировку...

– Он сам, – ответила Иви. – Правда, предложил сначала Иггельне.

Сивина зажмурилась, прижала пальцы к глазам и потом продолжила

– Для него дар, и тогда, и уж тем более сейчас – опора, смысл существования, источник в том числе и душевных сил, стимул. Даже не мы с Исой. За что упрекать я его точно не могу и не буду. Поэтому Рун сейчас весь в работе. Знала бы ты, какую активную деятельность развела тут Иса, как только мы сюда приехали. Дом в считанные дни приобрел необходимый жилой вид. Потом она взялась за сад, но я не

дала ей развернуться там. Прилегающие постройки, участок в целом... Она пыталась втянуть в это и Руна – он ведь так хотел навести здесь порядок. Вот только брат практически не выходит из флигеля – там находится его мастерская. Нам бы радоваться, что его дела налаживаются – работы, клиентов много, ведь он мастер, каких немного! Да и опасаться, что денег может не хватать, теперь уже не стоит... Если так и дальше пойдет, эти деньги девать будет некуда. И толку?! Зачем они, такой ценой?.. Даже Исе все равно на них. Наряды, украшения, экипажи... Зачем, если брат теперь и сам не живет? Иса хоть и упертая, но мне кажется, что долго она так не выдержит.

– Инеп все еще ждет?

– Я не знаю. Она не говорит об этом.

– Игельне, значит, не удалось его привлечь к благоустройству поместья, а ты смогла брата... припахать?

– И то, только потому, что я в это время работала с даром, – ответила Иви. – Я ведь тоже пытаюсь его растормошить. Вот только уже не знаю, что делать...

И вновь это взгляд, просто удушающий меня своей мольбой.

– Я попробую с ним поговорить... – Сдалась я.

– Спасибо! – Выпала Иви и порывисто обняла меня.

– Вот только вряд ли он меня послушает... – Закончила я.

Рун не работал. Он сидел за своим рабочим столом и смотрел в окно. Обстановка в его кабинете мало чем отли-

чалась от той, что была у Ровенийских.

– Тоже пришла возвращать меня к нормальной жизни? – Спросил он язвительным тоном, что даже обрадовало меня. Эмоции – это хорошо.

– Нет. Разве я могу сказать тебе что-то новое, что ты ещё не слышал?

Рунгвальд хмыкнул, прикрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Меня никто не пригласил присаживаться, поэтому молча села напротив.

– Как у тебя дела? – Так и не открывая глаз, спросил Рун.

– Отлично.

– Врешь же. – Рун открыл глаза.

– Ты тоже, наверняка, врешь сёстрам, что у тебя все в порядке и помощь не требуется.

– Уела, – протянул Рун и даже слабо улыбнулся.

– Мне кажется, я знаю в чем главная ошибка твоих сестёр. – Не дождавшись вопроса, я пояснила: – они тебя жалуют, хоть и пытаются это скрыть. Вот только все равно видно же. Жалость, для такого мужчины как ты, сама по себе унизительна. Да ещё и постоянно напоминает о том, что ты потерял. Точнее кого.

– О своей жизни ты таких умных вещей сказать не можешь? В чужой же проще разобраться, так ведь? —Вновь прорезались язвительные нотки.

Мне ни к месту вспомнилась Диль – нечто подобное и она мне говорила.

– Так. Вот только я права.

– А ты, значит, не жалеешь, – заключил Рун.

Я посмотрела на молодого, сильного, здорового, наделённого замечательным талантом мужчину, который мучает себя, своих сестёр.

– Нет.

Правда, и сестры мучают его... Нужен кто-то третий, точнее четвёртый, но я на эту роль точно не гожусь.

– Зачем ты тогда вообще сюда пришла?

– Разве я не могу просто так навестить старого друга?

– Друга, хм... – хмыкнул Рун, – Может и так. Друг, наверное, тот, кто не боится сказать правду в глаза. Вот и скажи: что мне делать?

В его блеклых глазах как будто даже огоньки загорелись. Рун поддался чуть вперёд, с нетерпением ожидая мой ответ. А я не знала, что сказать. И правда, зачем пришла? Пару минут просидели в молчании, пока я собиралась с мыслями.

– Вот Рон не умер. Он скорее убил меня. Мою гордость, самооценку, веру в любовь, верность. Я как будто рассыпалась на кусочки. Он разбил меня, мои надежды...

Дрожащими руками дотянулась до графина с водой, понохала, наполнила стакан и выпила залпом. Негромким голосом я продолжила:

– Как я собирала себя, спасалась? Ты и сам помнишь. Вот помогло ли? Возможно. Но последствия все равно иногда преследуют меня. Впрочем, ты тоже, как говорит Иви, по-

грузён в работу. Тебе помогает?

– Отчасти.

– Живи, цепляйся за то, что тебя тут держит. Кто тебя держит. Я... Я не знаю, что советовать. Банально и пафосно: но ты сам придёшь к тому, что тебя спасёт, вытянет. Все пройдёт, – я судорожно вздохнула, так и не совладав с дрожанием рук. Поэтому спешно отставила пустой стакан. – Ты и сам это знаешь. Может не хочешь в это верить, может не позволяешь себе верить. Отпусти её...

– А ты отпустила? – Зло выговорил Рун.

– Я просто знаю, что никогда не встречу человека лучше, чем Рини. У меня не будет подруги лучше, чем она. Вот только воспоминания о ней меня греют, а не замораживают.

– Иди.

Я растерялась.

– Иди отсюда! – Выкрикнул Рун и ударил ладонью о стол.

Я скомкано попрощалась с Иви и поехала домой. В том место, где меня ждут.

***

«Перчатки были как вторая кожа». Фраза насколько избыточна, настолько актуальна для меня. Как никакая другая, она отражала то, как мне приходилось жить, с чем мириться, к чему привыкать. Дома я, понятное дело, перчатки снимала. Близкие бы не поняли. Да и подспудно во мне все еще сиде-

ла мысль: успе́й я тогда с вестью о Рини чуть раньше... Я не хотела повторения истории.

Стоило только начать даже просто собираться куда-то, я перчатки надевала чуть ли не первыми. Близкие – одно, посторонние – другое. Может быть и чудовищно было считать, что важные для меня люди более достойны жить, чем чужие. Вот только каждое такое видение как будто хоть и на самую малость, но приближало меня к моей смерти. Мне вообще иногда казалось, что я словно притягиваю смерть. И в то же время в такие моменты я будто-то бы сама умирала на мгновение, прощалась с этим миром. Правда, так и не успевала попасть в другой. И возвращение к живым было не самым приятным, не говоря уже о последующем...

После Никласа достаточно долгое время видений не было. Это позволило даже поверить, что все минуло. И не будет больше картинок гибели людей. И не будет моих маленьких смертей.

Диль несколько раз переносила свою свадьбу. Поводы были серьезными, существенными и поэтому уважительными – неважное здоровье ее матери. Хотя, отчасти казалось, что эдель Фордис не особо пока готова отпустить дочь. А может Диль хваталась за эту причину, чтобы отложить свадьбу с нелюбимым. Вот только она сама дала согласие. Ее никто не неволил. Чего ждала?..

Очередная дата свадьбы была назначена на середину осе-

ни. Совсем не романтичная пора: листья облетели, ветер пронизывающий, тучи низкие.

Выбранное ранее мною платье уже не походило для нынешней погоды. Пришлось заказать другое.

Я пришла к портнихе, которая готовила мой наряд. Не самый торжественный, так как праздник намечался не очень-то и веселым, но в то же время и соответствующий событию. Я не особо хотела посещать это мероприятие, наверно поэтому к выбору платья отнеслась не то, чтобы наплевательски, но без искры, интереса. И цвет выбрала невеселый: темно-фиолетовый. Мне он даже не слишком шел. Почему тогда выбрала? Под настроение, наверно.

Наряд был почти готов. Да и сидел он на мне хорошо, за исключением некоторых нюансов. Портниха, поджав губы, критично осматривала свою работу.

– Хороша, – протянула она. – Цвет не ваш, а фасон... Жаль, не переубедить вас было. Жаль.

Еще раз она обошла меня, окинула внимательным взглядом.

– Надо только пару складочек немного по-другому перешить, – заключила она. – Да и рукава чуть подправить. Но это недолго.

Перед примеркой платья я сняла перчатки.

Рука портнихи задела мою ладонь, когда она поправляла край рукава.

У портнихи была дурная привычка: когда она подкалыва-

ла булавками складки, то часть булавок держала во рту – ей было так удобнее. А специальная подушечка покоилась на комодке.

Она поправила нужные места, подколола их. И тут раздался стук в дверь. Громкий, неожиданный. Да еще и шум с улицы донесся. Я вздрогнула и не удержалась на стульчике, на котором стояла для удобства портнихи. Чтобы удержать равновесие, мне пришлось ухватиться за нее. Я удержалась, а вот женщина – нет. Она неловко взмахнула руками, покачнулась и упала, ударившись головой об угол стола. Булавка же застряла у нее во рту... Женщина умирала у меня на руках...

– Ну слава Рауду, вы очнулись! – Перепуганная портниха убрала флакон с нюхательной солью от моего лица.

– Простите.

– Ничего-ничего.

– Тут просто душно.

– Да-да.

И она покосилась на мой живот.

Я резко вскочила. Голова слегка закружилась, да и локоть неприятно занял.

– В следующий раз зайду, – срывающимся голосом практически прошептала я.

Портниха рассеянно кивнула.

Я больше к ней не пришла. Обратилась к другой. Да и платье выбрала зеленого цвета. Ведь в видении на мне был наряд

практически траурный: темно-фиолетовый, почти черный.

Если до этого момента я становилась лишь невольной свидетельницей гибели людей, то теперь... оказалась виновницей.

Не будь у меня Данфера, я бы просто заперлась дома и никуда не выходила, а то и пострашнее чего выкинула.

Посоветоваться не с кем, обратиться не к кому. Пугающе страшно, жутко.

Я дала себе только день на терзания – не смакуя их, а пытаясь отыскать выход. Решить, как быть. Как бы я не выстраивала стену вокруг, это не оградит меня от возможных контактов с людьми. А значит – нужно смириться. Вот только пока никак мне это не удавалось.

Может стоило запечатать дар вообще? Блокировка – и проблемы больше нет. Ни видений, ни возможности хотя бы попробовать себя в артефакторике. И что тогда? Хотя, что мои терзания по сравнению с тем, что чувствуют умирающие, или его близкие после смерти дорогого им человека.

Будь, что будет...

Раз с людьми пока проблемы, то восстановить хоть некое подобие равновесия в душе, я решила при помощи животных.

– Давненько вас не было видно, эдель Астари, – улыбнулся управляющий эда Астела. – Мы уже и любимицу вашу продали.

– Зато я сегодня не одна, – улыбнулась и я, выдвигая впе-

ред Данфера, стоявшего позади. – Мой воспитанник – Данфер.

– Приятно познакомиться. Я эд Фамлер Шевран, – он протянул Данику руку.

С самым серьезным видом мой подопечный пожал протянутую ладонь. По внимательному взгляду я поняла – изучает нового знакомого.

– Хотите покататься верхом или все-таки решились на приобретение? – поинтересовался эд Фамлер.

– К сожалению, пока некуда приобретать. Так что просто покатаемся.

Верхом Данфер ездил только со мной – когда ехали к границе. Разумеется, с того времени ничего не поменялось.

– Сам попробуешь?

Я уже на всякий случай начала присматривать для него самую-самую смирную лошадку, вот только Даник возразил:

– Можно я пока с тобой?

Вздыхнула я с облегчением. Все-таки опыта у него никакого, но упрямства порой не занимать. И пресловутого «я сам».

Как и в прошлые разы, разрешили выехать за территорию конюшни. Не знаю с чего было такое доверие. Хотя, залог-то я оставляла не малый.

Я любила ездить по окрестностям Геделрима, которые теперь с удовольствием показывала и Данферу.

Будь я одна, неслась бы так, что слезы в глазах от порывов

воздуха, растрепанная коса и восторг пузырьками в крови.

Вот только с Даником я себе этого позволить пока не могла, хотя и выбрала скакуна по резвее, чем Звездочка. И все же мне хотелось заразить и воспитанника любовью к скорости, свободе, граничащей с ощущением полета. Хотелось, чтобы и Даник полюбил лошадей, как и я. Этих чистых в своих несложных помыслах, добрых, преданных и даже в чем-то более справедливых, чем люди, животных.

Данфер чуть расслабился, тем более ход был и не слишком быстрым, не так крепко цеплялся за луку седла и даже с удовольствием оглядывался по сторонам, подставляя щеки уже не теплomu ветру.

Яркий румянец на щеках, задорный блеск в глазах мальчишки... Вот что мне было нужно. Вот что ослабило удавку, что сжимала мне сердце, перекрывала воздух, опутывала всю.

– В следующий раз я сам, – заявил Данфер, когда мы остановились.

С холма любовались видами долины. Лес, как будто озябший без листвы, река, напитавшаяся серыми дождями...

– Сам, так сам, но только по паддоку.

Данфер чуть прищурил глаза.

– А ты хотел вот так сразу в скачку, туда, к закату? – Чуть поддела я.

– Ну не так. Просто по дороге.

– Подожди, пока в седле будешь уверенней держаться.

Даник хотел что-то возразить, но на нос ему упала большая дождевая капля. Мальчишка забавно фыркнул и смахнул каплю.

– Да уж, опять нам с тобой не повезло, – вздохнула я и чуть пригладила растрепавшиеся волосы подопечного.

Ехать обратно к конюшням Астела или ждать, пока не закончится дождь? Вот только обкраденное ветром дерево от дождя не спасало.

А потом я поняла: отсюда же совсем недалеко до Уотиненов. Я про них забыла, а ведь обещала навещать.

К дому полковника мы добрались уже изрядно промокшие и озябшие.

– Откуда мальчишка? – Спросил меня полковник.

Я сидела укутанная в плед и пила чай. Данфера же отправили прогреваться в ванной.

Врать я не стала.

– Я не могу все рассказать.

Эдел Нелнас кивнул, а вот его жена еще хотела что-то спросить, но полковник так на нее посмотрел, что эдель Брита предпочла замолчать.

Поэтому я решила немного пояснить.

– У него редкий дар, а там, откуда Данфер родом, с обучение у него не получилось.

– Неужели живет у тебя как постоялец? – Улыбнулась эдель Брита.

– Вроде того. Он под моей опекой.

Полковник присвистнул. Это получилось прямо по-молодецки.

– Ну и хорошо. Вдвоем веселее. Малец-то хороший? – Поинтересовался Уотинен.

– Очень.

Хороший малец, укутанный в халат Нелнаса-младшего, присоединился к нам в столовой. Взъерошенным и нахохлившимся воробьем он уселся за стол.

Полковник пытался разговорить Данфера. Сначала насто-роженно, с неохотой мой подопечный отвечал на вопросы. Однако по мере того, как его тарелка с горячим супом пуста, Даник все оживленнее болтал с Уотиненом.

Заминка случилась лишь, когда я пододвинула Данферу булочки и масло. Эдель Брита хотела помочь ему: разрезать парочку булок. И уже взяла в руки нож. Вот тут-то Даник и намеревался произнести свою излюбленную: «Я сам!». Наверно я предугадала его действия потому, что уже успела изучить подопечного. И это упрямое выражения лица, выражающее полную независимость и стремление во что бы то ни стало упрочить свою самостоятельность... Мне бы радоваться: какой самостоятельный в будущем мужчина растет. Вот только иногда с этим нежеланием принять чью-то помощь был перебор. Я успела слегка ущипнуть его за бок и взгляд свой по выразительнее сделать. Даник, слава всем богам, понял и кивнул.

– Спасибо! – Поблагодарил он эдель Бриту.

Хозяйка дома расплылась в улыбке заботливой бабушки. И это при том, что она редко кого подпускала к себе. Для нее были важны только ее семья и весьма узкий кружок близких людей, к которым, не знаю за какие заслуги, когда-то отнесли и меня.

Дальнейшие наши посиделки проходили спокойно и доброжелательно. Я только все еще мысленно себя корила, что раньше не приезжала к Уотиненам.

– А где же ваш внук? – Спросила я. – Неужели родители уже забрали? Помнится, его оставляли минимум на год вам.

– Если бы, – ответил полковник. – У нас тут сосед объявился. Земля-то выкуплена была давно, еще до нашего суда переезда. А вот активная стройка началась с полгода назад. В общем, рядом тут теперь конезавод.

Я была готова поспорить на что угодно, что знаю, кем является хозяин коневодческого хозяйства. Не может же быть таких совпадений!

Дальнейшее я слушала с особым вниманием.

– Вот. Наш оболтус и стал туда наведываться. В основном мешался, конечно. Пока не сманили его работой, в обмен на возможность проехаться на отличных скакунах, – в голосе полковника проскользнула гордость. – Ты представляешь, этот хитрец сумел каким-то образом обзавестись целым выводком шенсеров!

– Внук? – Удивленно переспросила я.

– Какой внук? Маршез, хозяин завода. Ты бы видела, что это за кони, – протянул эдел Нелнас. – Даже не кони, статуэтки! А скорость-то какую развивают. Ну точно ветер!

Уотинен с сожалением посмотрел на своё колено.

– Младшенький наш умудрился даже на одном из таких жеребцов прокатиться. Да.

Завидовал младшенькому теперь не только полковник.

Шенсеры – это существа на грани реальности и вымысла. Такие кони встречались довольно редко. Стада диких, необъезженных лошадей кочевали у границ Заденива с Эрнесией. Случаи, когда кому-то удавалось их обуздать, приручить, заставить слушаться и служить, были столь немногочисленными, что действительно порой считались выдумками.

Однако я-то знала: приручить шенсеров хоть и невероятно сложно, но осуществимо. У моего деда в молодости был такой скакун. Как ему удалось удержать у себя эту лошадку, он никому не рассказывал. К моему рождению та лошадь давно скончалась, а потомства она не оставила – с другими породами не скрещивалась, и случаев приручения не одного, а нескольких шенсеров, вообще не было.

А тут Уотинен сказал, что целый выводок...

– Вижу ты впечатлилась, – ухмыльнулся полковник. – Побежишь смотреть?

Я повернулась к притихшему Данферу.

– Нет, – не без сожаления вздохнула я. – Нам уже соби-

ратся пора, чтобы засветло домой успеть.

– А может останетесь? – Спросила эдель Брита.

– Спасибо, но не сегодня.

Данфер только привык к новому дому, окружению. Пусть и к семье полковника постепенно привыкает, не столь быстро. Думаю, мы теперь часто будем к ним наведываться...

Ехать нам нужно было совсем в другую сторону, не ту, где неожиданный сосед объявился. «Вот только если мы сделаем совсем небольшой кружок, буквально на несколько минут, то не так уж и много времени потеряем», – оправдывала я своё желание хоть краем глаза взглянуть на соседние владения.

– Эти кони, о которых говорил полковник, они какие-то необычные? – поинтересовался Дафнер.

– Говорят, что самые быстрые и выносливые. А ещё очень красивые. Правда, сама я их никогда не видела.

– Мы же посмотрим на них?

– Поздно уже, – я обернулась к выглянувшему сквозь тучи солнцу, которое было над линией горизонта. – Как будут у тебя следующие выходные, так и приедем, посмотрим.

Территория огороженный владений была большой. И как назло, все постройки находились в глубине, подальше от границ участка и дороги. Вот так, мельком и крайне скупно, полюбовались на коневодческое хозяйство, не увидев ни одного коня. Да и людей тоже не заметили.

Дильмари не выглядела как счастливая невеста. Бесстрастный взгляд, поникшие плечи. Она смотрела в окно, но, казалось, не видела там ничего. Вся в себе и не толики эмоций снаружи.

– Привет, – я постаралась, чтобы мой голос прозвучал бодро и жизнерадостно. Хотя, так себя я не чувствовала. Чтобы успеть вовремя, пришлось торопиться, да и порталом воспользоваться, чего и не очень-то хотелось.

– Здравствуй, – она улыбнулась, но улыбка вышла прохладной.

«Замороженная красавица», – промелькнула у меня мысль. Да и Данфер говорил про нее нечто подобное.

– Как ты?

– Отлично, – все также, отстраненно кивнула она. Вот только Диль была бы не Диль, если бы в ее голосе все же не прорезалась язвительность: – Не видно что ли? Я – счастливая невеста и с нетерпением ожидаю свадьбы.

– Ага, видно. Как же.

Диль приподняла свою бровь, внимательно посмотрела на меня и покачала головой. Теперь уже ее улыбка была грустной.

– Церемония завтра в десять утра. И, пожалуйста, не одевайся как на похороны. – Во взгляде ее было осуждение. Платье-то на мне было темно-серое. В дорогу – самый практич-

ный вариант. – Мы же не мою молодость хоронить будем.

– Да я и не собиралась.

– Хорошо.

Я уже намеревалась уйти, но Диль добавила:

– Спасибо, что приехала. Для меня это очень важно.

– Не за что.

Вот только чем мое присутствие для нее так важно – я не понимала.

Нерадостное торжество проводилось у жениха, хотя по традиции первый день празднований, как и сама церемония, должны были проходить у невесты, точнее в ее родительском доме. Вот только из-за траура пришлось отступить от правила. Как мне когда-то, из-за невозможности приехать к родителям.

Дом наместника Фреванисии мало чем отличался от такой же резиденции Ровенийских. Однако разглядывать дом и его окрестности мне не хотелось. Настроение не то. Да и обстановка тут была не располагающая – давящая, угнетающая. А может мне так казалось, потому что переносила свой собственный настрой и хмурое состояние. Поэтому из комнаты, выделенной мне, я почти не выходила. Читала книги, взятые в библиотеке Геделрима. И с приехавшими немногочисленными гостями не виделась.

Помогать невесте принято незамужним девушкам из близкого окружения. Иса не была рада моей компании, но перечить Диль не стала.

Я думала, что для меня это будет мукой: ведь непременно одолеют воспоминания, разбередят, разъедят защиту, что не давала прорваться им раньше. Наверно, на меня подействовала холодность Диль. Как будто и я заморозила свои эмоции, мысли о несбывшемся. Столько всего уже было после несостоявшейся свадьбы... Об этом ли теперь горевать?

Поэтому на платье, вынесенное Иггельной, я смотрела без зависти, сожаления или чего-то такого.

На тоненькой, стройной фигуре Диль белое, простое платье смотрелось замечательно. Аккуратное, без каких-либо изысков, даже на ткани никаких узоров не было. И это выглядело контрастом с тем, как обычно одевалась она. Изысканно, порой слишком роскошно. А тут изящная простота.

Невеста, стоя перед зеркалом, окинула себя безразличным взглядом.

– Может волосы лучше на косой пробор расчешешь? – Спросила у неё Иса

Диль повела плечом и произнесла:

– Так сойдёт. Было бы для кого прихорашиваться.

– Но Диль! – Воскликнула её подруга.

– Ну а что? Куда он теперь денется. Не сбежит же из храма или перед ним. Хотя, – и бросила взгляд на меня.

Я лишь покачала головой. Уже на обидно.

– Прости, – Диль приложила пальцы к губам, словно тщетно пыталась удержать то, что уже произнесла. Стало заметно, как ее пальцы дрожат. Ледяной панцирь дал трещину.

В молчании мы дошли до кареты, на ходу поздоровавшись с Ровенийскими. Рона среди них не было. В молчании сели в экипаж.

Перед тем, как выйти уже у храма, Иса решила спросить:

– Ты уверена?

«Вовремя, однако», – усмехнулась я про себя.

Все тем же нервным жестом Диль повела плечом, отбросила пшеничные волосы за спину и твердо произнесла:

– Нет.

Она посмотрела на наши изумленные лица и расхохоталась. Смех её не был нормален.

– Я все равно не отступлю.

У входа в храм она оставила свою обувь, отдала нам плащ. Босиком и в одном платье, простоволосая невеста входила в храм. Ровная, гордая спина, вздернутый подбородок и взгляд: «Неужели кто-то может усомниться в том, как я прекрасна?». Диль не шла – плыла и вроде бы плавно, но неумолимо и уверенно.

Жених у алтаря встречал свою нареченную тёплой улыбкой. Он-то выглядел спокойным, даже несколько расслабленным.

Слова священника, торжественное «да» жениха, отстраненное «да» невесты, потушенные свечи у статуи Рауда. Все прошло спокойно, даже как-то буднично.

А дальше был скромный, по меркам глав двух провинций,

праздник.

Меня не покидало стойкое ощущение, что все это будто не по-настоящему. То ли спектакль, то ли представление. Лживое, неправильное, наигранное.

Когда я уже прощалась с Диль, она обняла меня так крепко, словно расставалась со мной навсегда, не рассчитывая больше увидеться. Однако её слова были противоположными:

– Я буду приезжать к тебе, к вам. Можно?

– Конечно можно. – Я сумела скрыть удивление.

– Спасибо. И спасибо, что все-таки приехала.

Домой я возвращалась со смешанными чувствами и непониманием: что вообще там произошло? Куда Диль позволила себя втянуть?

Глава 4

Книги уже не читались, из бисера не плелось, даже готовка надоела. Последнее невероятно огорчало Банафрит. Она так радовалась моим кулинарным успехам, а тут я отступила... Лишь прогулки с Данфером спасали от полного скатывания в уныние. Да и вообще общение с ним мне очень помогало, как и ему. Но раствориться в другом человеке – значит потерять себя.

У меня был еще один дар – не пугающий, но интригующий, увлекающий своими возможностями. Вот только реализовать эти возможности без основы в виде знаний не получалось. Виной тому – трудность самостоятельного изучения. Я могла прочесть весь учебник, могла разобрать сама на составляющие схемы, заклинания, но правильно их применить... Всегда был какой-то недочет, чего-то не хватало. А подсказать – некому.

Я стояла у двери и не решалась войти. Безумная идея попытаться еще раз уговорить мастера Джетмира пришла ко мне после того, как в очередной раз я создала странно работающий амулет. Он работал, но как-то не так. И разобраться в чем проблема – я не смогла. Эд Йеннер считался лучшим артефактором не то, что Геделрима, пожалуй, всей империи. И если есть такой мастер, то зачем размениваться на меньшее? Да, он мне уже отказал, да, он не посчитал меня инте-

ресной для своего обучения. Ну так ведь он даже не знает, на что я способна. Впрочем, как и я сама. Но разве не предназначение учителя в том, чтобы раскрыть талант ученика в полной мере. Подумаешь, сам мастер не стремился к учительству...

Мысленно я перебирала то, чем смогу его убедить взять меня в ученики. Мыслей было немного, да и то все сумбурные. И честно говоря, бредовые. Однако я пришла сюда с твердым намерением добиться своего. При этом понятия не имела, как это намерение осуществить. Буду импровизировать.

Задержала дыхание и зашла, как будто нырнула. И если мне не протянут руку помощи... Не буду о плохом.

В выставочном зале никого не было. Обманчивая беспечность хозяина, оставившего такие сокровища без присмотра.

Пока я рассматривала великолепные работы, ко мне неслышно подошел помощник мастера – тот самый полноватый паренек. Милый и добродушный. Надеюсь, я не ошиблась в нем.

– Добрый день, – вежливо поздоровался он. – Приобрести что-то желаете, или...

Он явно меня узнал.

– Или! – Перебила я его.

– Мастер не любит, когда ему надоедают.

– Я еще не начинала.

Парень удрученно вздохнул, покачал головой и ушел.

Все мое внимание вновь сосредоточилось на амулетах.

– Приветствую, – хмурый мастер кивнул. – Значит, слово «нет» вы не понимаете?

Идеально выглаженный костюм, накрахмаленная белая рубашка, начищенные ботинки. За пару секунд я успела оглядеть его. Строгий, аккуратный. Скорее всего придется мне не просто.

– Вы не дали мне даже шанса.

– А почему я должен был вам его предоставлять?

Эд Йеннер явно был раздражен, но отчего—то не бросал разговор со мной. А поскольку отступить было некуда, я шла напролом.

– Что вы теряете?

– Но и ничего не приобрету.

– А вдруг? Вдруг во мне скрыт немалый потенциал?

– Потенциал, хм... – Взгляд мастера переместился с моего лица куда-то ниже. – Может быть. Но ведь вы – женщина!

– Спасибо, я и сама это знаю. – Эд Йеннер подавился смешком. Во мне же бурлило безрассудство, и я продолжила: – Разве пол определяет способность к обучению?

– Не знаю, не знаю. – В его голосе уже появилось некоторое замешательство, поэтому я продолжила настаивать:

– Я не уйду, пока вы не дадите мне шанс!

– Выгоню.

– Останусь под вашими окнами. Слух-то у меня есть, а вот хорошим голосом Рауд не наградил. Все окрестности будут

слышать мои завывания, и стыдно мне не будет.

– Вызову стражу.

– Я им скажу... скажу... Еще не придумала, но обязательно выдумаю про вас что-нибудь по хуже.

– И вновь стыдно не будет? – Мастер оставался серьезным, хотя губы подрагивали в еле скрываемой улыбке.

– Нет.

– Ты так и не сказала, в чем же моя выгода? Мое время недешево, а ты уже и так его немало отняла.

– Вам слабо? — Недоверчиво протянула я. Надеюсь, не переигрывала.

– Что? Да как ты?!

– Слабо обучить девушку с минимально развитыми способностями, чтобы она смогла сделать что-то стоящее? – Я, что называется, разыграла на последние.

Эд Йеннер побагровел.

– Пари! – Выпалил он.

Теперь уже я удивилась.

– Даю тебе неделю: создашь амулет, определяющий отравлена ли еда. Материал и место работы я тебе предоставлю. Заодно и прослежу, чтобы не обманула меня. Создашь – возьму в ученицы.

– А если не создам? – Осторожно поинтересовалась я.

– А там уж как получится. Проверять правильность работы амулета будешь сама.

Я стояла на крыльце и переводила дух. Получилось! Да,

теперь придется хорошенько постараться, чтобы воспользоваться предоставленным шансом. Но ведь выбила его! Победа, хоть и маленькая.

Эмоции схлынули, накатила усталость. Я даже чуть дрожать начала. Пробирающий ветер торопил домой, в тепло и уют.

Завтра в два. У меня чуть меньше суток, чтобы собрать сведения и подготовиться. И пусть мне дан срок в неделю – завтра-то позориться не хочется.

Всю вторую половину дня и вечер мы с Банафрит пекли пироги, пирожки и булочки. У храма Данлии завтра будет устраиваться благотворительная ярмарка. Собранные на ней средства пойдут в приют для детей и госпиталь. В большом торговом городе просто так мало кто хотел расставаться с деньгами, а вот такие мероприятия, как ни странно, заполучали достаточно финансов, чтобы поддержать учреждения. Участвовать в ярмарке считалось почетным даже для самых родовитых семей. Вот только для них это порой становилось ярмаркой тщеславия... Впрочем, какая разница у кого и какие мотивы. Главное – конечная цель акции.

Даник тоже порывался помочь нам с готовкой. Пока чуть не обжег руки. Пришлось посадить его за наименее опасное занятие – чистить орехи, благо уже расколотые.

К ночи я была вымотана настолько, что хотелось упасть и уснуть.

Почти до самого рассвета я листала книжки. Выписывала

схемы, аккуратно и тщательно их вычерчивая, знакомилась с заковыристыми заклинаниями, перебирала характеристики материалов, изучала их свойства и особенности. Разумеется, толком ничего не успела. Спала я плохо. Снились кошмары, перемежаясь откровенно странными снами.

Пробую я свое самое любимое пирожное, то, которое с заварным кремом. А крем на моих глазах темнеет. Джетмир, в образе белого и пушистого кота, на это дело говорит:

– Балбеска ты. Кто ж так готовит? Потравишь детей.

На встречу к мастеру я шла как на казнь. Учитывая мое задание – определение очень подходящее.

Банафрит я сказала, что иду в библиотеку.

– Какая ж библиотека сегодня?

– Я успею. – Вот только в этом я и сама не была уверена.

Помощница не одобряла моих походов в библиотеку. Зачем молоденькой девушке забивать голову всякой ерундой? А уж если бы она узнала, что даже не в библиотеку иду, а к мастеру-артефактору... «Такая красавица, а все еще не замужем. Вот у госпожи Стен замечательный сын...». Лучше пусть будет библиотека.

– Мастер просил вас проводить, – такими словами встретил меня помощник эда Йеннера.

– Спасибо.

Второй этаж, последняя дверь в коридоре. В этой части здания, судя по всему, и были расположены служебные помещения.

– Вам сюда. Все, что может понадобится, найдёте тут.

И ушёл. Замечательно.

Комната с одним окном и кучей хлама. Скорее всего это – кладовка, куда складывали вещи, которые вроде бы и не нужны, но выбросить жалко. Разумеется, понадобится мне может только хлам.

Переложила на свободную полку в шкафу какие-то свертки, тем самым освободив себе место на стуле. И принялась разглядывать, что же мне предоставили.

На столе была коробка с «болванками» – заготовками под амулеты. Мастер не побоялся доверить мне алмазы. Хотя, испортить я их все равно не смогла бы. Единственное, что я могла – поместить неограниченный алмаз в уже готовую оправу. Кулон, кольцо, браслет...

Мастер Джетмир не просто предлагал мне сделать действующий амулет. Сделать амулет как положено – в виде какого-то предмета, а не просто зачарованного камня. Это я поняла по наличию не только болванок, а заготовок для украшений. Впрочем, я сама напросилась.

Я не была уверена, что справлюсь с плетением заклинания, а тут ещё и работа с оправкой и остальным.

Закрыла глаза, глубоко вздохнула. Паниковать нельзя, иначе точно ничего не получится. Мне дали неделю, за это

время смогу что-нибудь сделать. Корявую загогулину, подразумевающую, например, кулон, я же сделаю? Главное выполнить условие – чтоб он работал как надо.

Я повернулась к окну. Созерцание пейзажа помогает сосредоточиться и успокоиться. Обычно, но не в это раз. Слой пыли и грязные потеки на стекле точно не могли способствовать спокойной умственной работе. Я огляделась в поисках чего-нибудь подходящего. Нашёлся кусок холстины. Ею и попыталась протереть окно. Удалось лишь отчасти, но хотя бы можно было что-то разглядеть за окном.

Вот за этим занятием меня и застал мастер.

– Интересный подход к работе, – хмыкнул он.

– Плохо видно было.

– Да-да, хорошее освещение – залог точной работы. Прощу прощения, не подумал об этом.

И улыбочка такая ехидная. Значит подумал, но не стал об этом беспокоиться.

– Вы предлагаете мне тут убирать самой?

Не то, чтобы я была белоручкой, но как-то это несолидно. В своём доме я могла спокойно наводить порядок, но на то он и мой дом.

– Ну не мне же. – Я постаралась взгляд сделать как можно мрачнее. Реакцию мастер оценил. – Хорошо, к завтрашнему дню тут наведут порядок. Недостаток слуг не испытываю. – На некоторое время эд Йеннер задумался, рассеянно потирая пальцем висок, а потом продолжил: – А поскольку слуги

имеют привычку делать только то, что им прикажут, ты же сама и проконтролируешь, чтобы твоё рабочее место было организовано, как тебе нужно.

И зачем весь этот спектакль был нужен? Ещё как только я зашла в эту комнату, мне бросился в глаза контраст – тут так пыльно, неопрятно, грязно. В то время, как все помещения, все здание, да и сам его хозяин производили впечатление своей аккуратностью, чистотой, порядком.

Но не в моей ситуации спорить. Проконтролировать – это я смогу.

– Все задачи ясны?

– Вполне.

– Так уж и быть, сегодня отпускаю пораньше тебя. Тем более сегодня ярмарка, а я про неё только вспомнил. Ты же участвуешь?

Я кивнула.

– Всего доброго.

Вчера я уходила отсюда радостная, но все ещё испуганная. Сегодня же – в растерянности.

На ярмарку я опаздывала. Банафрит сама уже разложила на прилавке наготовленное вчера и вела бойкую торговлю. Людей у лотков со сдобой было немало. С одной стороны, я опасалась и шла с некоторой боязнью к такому скоплению людей, а с другой – одну же Банафрит оставить не могла. И так её подвела и задержалась. А уж увидев, кто с немалым

удовольствием угощался пирожками с вишней, собственно-ручно мною приготовленных от и до, я прибавила шаг.

– Добрый день, – бойко поздоровалась я и улыбнулась. И постарались сделать улыбку чуточку теплее, чем следовало.

– Добрый, – спустя минуту все же ответил Стейнир. Не сразу, потому что дожевывал пирожок.

– Спасибо, что купили у нас выпечку, – поблагодарила я его.

– Для доброго дела не жалко.

«И только?» – не спросила я.

Тут Банафрит освободилась, разобравшись с другим покупателем.

– Вкусные, да? Я же говорила, – заявила она.

– Да я и не сомневался, – ответил ей Стейнир.

– А все потому, что готовила их эдель Астари. Сама, – и засветилась довольством и гордостью за меня. Я же смущенно опустила глаза, как всегда радуясь, что румянца не видно.

Меня смущала сама ситуация, как будто помощница решила... сосватать меня, поэтому и расхваливала.

– Знаете, я, пожалуй, ещё возьму. Остались же? – вдруг поинтересовался Стейнир.

А вот это уже лестно. Теперь я смущалась по другой причине.

В результате он скупил все оставшиеся, что-то около двух десятков. Банафрит отпускала веселые замечания по поводу мужского аппетита, а я молча складывала пирожки в бумаж-

ный пакет. Вдруг боязно стало поднимать глаза на мужчину, встречаться с ним взглядом. Ладони в перчатках, несмотря на довольно прохладную погоду, вспотели.

– Можно вопрос?

– Да, – все также не поднимая головы и продолжая складывать купленное в пакет, ответила я. Что же спросит, что же спросит?

– Зачем вам, эдель Астари, – подчеркнул он, – уметь так вкусно готовить?

Рискнула все-таки посмотреть ему в глаза. Он смеялся, не вслух, даже на губах улыбка не играла, но в глаза его улыбались. Я чуть не уронила пирожок.

– Эдель должны уметь готовить, – повторила я, когда-то сказанное мне эдель Фордис. – Тем более вкусно. Вдруг захочется побаловать... мужа, – я хотела сказать «близких», но произнесла другое.

– Конечно, мужа, – нейтрально повторил Стейнир. – Спасибо за пирожки.

– И вам спасибо, эдел Стейнир. – Он покачал головой. – Эд Стейнир, – исправилась я.

Вот только почему-то я ни капли не поверила. Выдавало в нем что-то благородное происхождение. Хотя, может я путала это с благородством поступков.

Мы распродали практически все, что было заготовлено. Ярмарка подходила к концу, поэтому начали потихоньку собираться.

– Ах вот вы где. Я думал вы будете представлять кружевные шали или вышитые платочки, – раздался голос, который я точно сегодня больше не хотела слышать.

– У вас есть ещё несколько минут, прежде чем мы пойдём к храму, – я вежливо улыбнулась, но губы плохо слушались. Улыбка, наверняка, вышла кривой. Надеюсь, все же не пугающей.

– А разве осталось из чего выбирать? – мастер, напротив, улыбался широко и почти дружелюбно.

– Остался один пирог с капустой и два яблоками. – Банафрит, не в пример мне, радушно общалась с эдом Йеннером. – Будете?

– С яблоками, оба. – Он кивнул, бросил критичный взгляд на пироги и спросил все с той же противной ехидцей в голосе: – Благородная эдель сама изволила их выпекать?

Банафрит хотела заверить, что дескать да, и это я готовила. Однако это было неправдой. Я успела слегка сжать её руку, прося помолчать.

– Нет, моя помощница справилась с этой задачей лучше.

– Жаль, хотелось оценить именно вашу работу, – протянул мастер.

У меня чуть не вырвалось: «В другой раз. И другую работу».

– Опоздаем, – строго заметила Элодия.

Я посмотрела на видневшуюся и отсюда очередь у храма.

– Успеем. Все равно людей слишком много, – ответила я.

У меня был свой интерес – подождать, когда скопление желающих поделиться заработанным сегодня на ярмарке убавится.

Элодия со своей внучкой присоединились к нам. Они-то сегодня как раз и торговали вышитыми платочками и прочим рукоделием. Я тоже прикупила у них парочку.

– А в аукционе ты участвовать не собираешься? – Недовольно спросила соседка.

– Я про него забыла...

– Оно и видно. Хоть бы платье повеселей выбрала!

– Не собираюсь я в этом участвовать! – Вспылила я. – Да и кто меня там выберет. Простою статуей, попозорюсь...

Элодия и Банафрит обменялись странными взглядами.

– Глупая девчонка. – Покачала головой соседка.

– Не буду говорить так про свою хозяйку... Хотя не могу не согласиться, – вторила ей помощница. – Все хорошо будет. Да и записали мы уже тебя.

– Как записали? – Выдохнула я. – И не спросили, не предупредили.

– Только что, – хмыкнула Элодия.

– Если я так и останусь одна, это будет на вашей совести! – Прошипела я и даже невежливо указала на них пальцем.

– Ещё благодарить будешь, глупая, – несмотря на обидное замечание, тепло протянула соседка.

А ведь если меня никто не выберет, для меня действи-

тельно это будешь большим ударом по самолюбию. Почти у всего города на глазах...

Мы с Рини не успели поучаствовать в подобном мероприятии в Саганионе. Теперь вот мне представился случай. А подруге... Я представила, что было бы, окажись она рядом. «Не трусь, найдутся желающие. Из тех, на кого бы ты даже подумать не могла. Ты будешь ничуть не хуже других. Ты будешь – лучшей. Я-то знаю какая ты», – сказала бы она мне. Одной фразой Рини умела подбодрить меня, придать уверенности.

С помоста вещал Глава города, который и проводил аукцион.

– В этот раз площадку предоставил нам эд Топиас.

Из толпы раздались одобрителные возгласы. Ещё бы, даже я, ставшая жительницей Геделприма не так давно, знала – у эда Топиаса лучшая ресторация города.

– Девушек, решившихся скрасить время достопочтенных мужей нашего города нашлось немало. Мужчины, не скупитесь, вытряхивайте свои кошельки!

Поскольку подошли мы одними из последних, я оказалась крайней в очереди. С моего места мне было видно – поучаствовать в аукционе решились самые красивые девушки города. Были, конечно, и не ослепительные красавицы, а обычные, но вполне симпатичные девушки. И я, не относившая себя ни к одной из групп.

За возможность поужинать в лучшей ресторации города с

прекрасной девушкой, некоторые мужчины отдавали немалые суммы. Торги порой шли ожесточенные, упорные. Довольные «лоты» только улыбались и с нетерпением ожидали, кому же достанется их общество.

Разумеется, все вырученные деньги шли для тех же нужд – приют и госпиталь.

Я наблюдала за девушками, оглядывала собравшихся мужчин. Все что угодно, лишь бы не думать, что и моя очередь скоро настанет. И что за этим последует.

Нет, статуей я на помосте не стояла. Каждая девушка, когда подходила её очередь, садилась на некое подобие трона – высокий стул со спинкой и подлокотниками. И вот уже оттуда, с высока, наблюдала за «представлением». Как королева – снисходительно и величественно. Ещё бы – мужчины бились за её внимание.

Я села на этот стул хоть и с улыбкой, но внутренне робела. Да что там робела – боялась жутко.

– Астари Эттов, – представил меня Глава. – Прекрасная эдель, приехавшая к нам издалека.

Мне улыбались, кто-то даже хлопал. Так непривычно и странно...

– Начнём с обычной цены – тысяча скалдров.

Для сравнения, цена обеда в ресторации Топиаса начиналась от ста скалдров. Хоть деньги шли и не в ресторацию, но сумма набиралась приличная. Согласится ли кто?

Мне захотелось зажмурить глаза и не видеть ожидающих

взглядов, направленных на меня. Закрывать уши и не слышать тишину.

Я сидела с ровной спиной, гордо поднятым подбородком, вежливой улыбкой и, надеюсь, не сильно затравленным взглядом.

– Полторы тысячи!

Все обернулись к отозвавшемуся мужчине. А эд Астел, перехватив мой взгляд, улыбнулся мне и слегка кивнул, приподняв шляпу над головой.

Удивлённый возглас чудом не вырвался у меня.

– Полторы. Замечательно, – произнёс Глава. – Кто-нибудь перебьёт?

Я вцепилась в подлокотники.

– Две!

Это уже был Стейнир. Он не улыбался, наоборот, был предельно серьёзен. Мазнул по мне безразличным взглядом и перевёл его на Астела.

Прежде чем Глава успел что-то сказать, эд Астел воскликнул:

– Три!

Дальше я не вслушивалась с произносимые ими суммы. Просто смотрела то на одного, то на другого. Чья возьмёт?

Спор затянулся. А я, вместо того, чтобы радоваться – вот он, миг моего триумфа, какие мужчины борются за моё внимание, задумалась совсем о другом.

Астел – крупнейший конезаводчик империи. Стейнир –

появился в Геделриме сравнительно недавно, но у него есть то, чего не смог добиться опытный Астел – шенсеры. И только этим обходил более опытного коллегу.

Они что, вздумали и меня так разыграть, посостязаться? Восторг разом спал.

Никто в их спор не вмешивался – разбирались эти двое между собой. Одна сумма, другая.

«Двадцать тысяч!», – хорошо, что деньги на благое дело пойдут.

Никто никому не уступал.

Глава вытер платком пот со лба. Я ему послала ободряющую улыбку и пожала плечами.

«Откуда мне было знать, что эти двое решили так утереть нос друг другу», – словно говорила я.

Глава подмигнул мне.

«А вы, Астари, не промах».

– Пятьдесят! – Объявился новый участник.

Эду Йеннеру пришлось поднять руку, чтобы его было лучше видно.

И пока Астел и Стейнир оборачивались к Джетмиру, пока соображали, что вмешался кто-то ещё, Глава, который уже порядком устал, хоть его и веселила эта ситуация, провозгласил:

– Кто больше? Никто? Продано! Ужин Астари Эттов будет с эдом Йеннером! Поздравляю и объявляю аукцион закрытым.

Поздравления, аплодисменты.

А после – праздник, гулянья, подведение итогов – сколько же средств в общей сложности собрали.

Мастер Джетмир подал мне руку, когда я спускалась с по-моста.

– Ловко я их обошёл, – еле слышно прошептал он мне на ухо. Для чего ему пришлось чуть привстать на цыпочки. Выглядело забавно. Да и вообще, наша парочка со стороны, наверняка, представлялась весьма комичной.

Я не сдержала смехок:

– Очень.

Ответом мне была широкая, по-мальчишески озорная улыбка, которая скрадывала у него лет эдак пять. Не то, чтобы мастер выглядел старым – чуть больше тридцати, а учитывая его дар – кто знает сколько ему на самом деле лет? Может оказаться, что раза в два больше.

– Зачем вам это было нужно? – Я не удержалась от вопро-са.

– Ты что-то имеешь против?

С ответом я не нашлась. Воспользовавшись моим замешательством, мастер положил мою руку себе на локоть и повёл прочь с площади у храма.

– Дамы, – он обернулся к Банафрит и Элодии с внучкой, – Вы же не против, если я провожу эдель Астари?

Дамы переглянулись и милостиво кивнули, хотя особо-го восторга и не выказывали. Неужели им не понравился

эд Йеннер? Или ожидали совсем другого итога аукциона. Я мысленно усмехнулась – немолодые интриганки просчитались.

– А у меня вы об этом поинтересоваться не желаете? – Спросила я.

– Разве ты мне отказала бы?

Неужели так сложно нормально ответить, а не вопросом на вопрос?

Я вновь никак не прокомментировала, на что мастер усмехнулся.

– Если бы я сказал, что хочу обойти этих двух лошадников... в смысле конезаводчиков, то ты бы обязательно обиделась. То есть получилось бы, что ты тут совершенно не при чём. Вот только для ужина с тобой мне ведь аукцион не нужен – достаточно будет задержать тебя до вечера в мастерской.

– Третий вариант?

– Именно. А в чем его суть – не скажу.

– Он что, все-таки меня не касается?

Мне был послан загадочный взгляд.

Несмотря на эту идиотскую ситуацию, общение с мастером мне доставляло даже некоторое удовольствие. Ну вот как будто со старым знакомым говорю – легко и непринужденно, и в то же время, ничего о нем не знаю, поэтому он постоянно открывается с новой стороны. И это при том, что когда только шла к нему недавно – жутко боялась.

– Не готовите, рукоделием не занимаетесь. – Загибал пальцы свободой руки мастер. – Чем же увлекается благородная эдель, кроме лошадей?

– Как легко вы делаете выводы, – хмыкнула я.

– Разве я в чем-то не прав? – Деланно удивился эд Йеннер.

– И готовлю, и рукоделием занимаюсь.

– Неужели? Где же оно все?

– Предлагаете завтра прийти к вам с вышитыми платками и свежеприготовленными пирогами?

– Не откажусь.

Я неприлично фыркнула. Вот ещё, буду я к нему таскаться с угощениями.

– На самом деле, если ты вышиваешь, а ещё лучше вяжешь или плетёшь, то это может оказаться весьма хорошим подспорьем в работе артефактором.

– Неужели? – Повторила я и вопрос, и тон, не так давно произнесенный мастером.

– Даже больше, чем ты себе можешь представить, – неожиданно серьёзно ответил он. – Только человек обладающий усидчивостью, способный хорошо сконцентрироваться, может попробовать начать заниматься артефакторикой.

Помнится Рун тоже нечто подобное говорил про рукоделие, но только все равно несколько с другой стороны. Он имел в виду плетения, а Джетмир про усидчивость...

– Только попробовать?

– Дальше все будет зависеть уже от способностей. Одна-

ко умение работать с плетениями, пусть и такими, лишним точно не будет.

Я пыталась вытянуть из мастера подробности, но он отделивался общими ответами или вообще шутками. А то и такими фразами, что было непонятно – то ли шутит, то ли всерьёз говорит.

Так мы и дошли до дома.

– Спасибо, что позволили себя проводить, – нарочито громко произнёс эд Йеннер. Нас уже догнали Банафрит с Элодией и внучкой. – Буду с нетерпением ждать ужина.

И пока дамы не видели, подмигнул мне. Завершением картины был поцелуй руки. Быстрый, вежливый и совершенно равнодушный.

Спустя минут двадцать вернулся и Дафнер из школы. Пока Банафрит на скорую руку готовила ужин, мы расположились в гостиной.

А после мне устроили допрос. Ну а что я могла ответить? Сами меня втянули и сами удивлялись неожиданному результату.

– Вы что же, знали кто будет торговаться на аукционе? – Решилась я на нападение.

– Эд Астел встретил меня вчера по дороге в школу, – вдруг начал говорить Данфер. – Спросил будешь ли ты на ярмарке и про аукцион...

– И ты рассказал это не мне, а Банафрит.

– Так получилось, – пожал он плечами.

Мне хотелось много чего высказать, но я промолчала.

– А мастер Джетмир вполне себе хороший вариант, – как бы невзначай протянула Банафрит.

– Это вы себе или мне говорите? – спросила я у дам, которые переглядывались между собой.

– Всем, – лучезарно улыбнулась Элодия. – Вот только роста не хватает ему немного.

– Пусть лучше у мужчины не хватает роста, чем мозгов, – буркнула я.

Элодия прыснула, Банафрит сдержанно хохотнула, а вот Данфер даже подавился.

– Кушай, кушай, – я прохлопала его по спине. – А то не вырастешь.

Глава 5

На следующий день помощник мастера, которого, как оказалось, звали Понтер, встретил меня на крыльце.

– У нас тут есть второй ход. Мастер просил через него вас провести.

Пришлось обходить здание. Неприметная дверь вела в узкий коридорчик, упирающийся в лестницу.

– В следующий раз так и заходите.

– Как же эд Йеннер выставил разрешение на пропуск меня? – Не удержалась я от вопроса. Все-таки для этого нужно личное присутствие объекта, которого охранка должна пропускать.

– На то он и мастер, – пожал плечами Понтер.

Я приступила к работе.

Ни на минуту не пожалела, что выбила себе этот шанс. Просто у меня ничего не получалось. Ни заклинание, ни хоть какое-то подобие украшения. Сначала я держалась на упрямстве. Потом на злости: на себя, на мастера, на все на свете. Наверно, именно злость и придала мне силы сделать хоть что-то. Злость разрушает, не созидает. Однако именно благодаря ей, сцепив зубы, я продолжала работать. Эд Йеннер не надоедал мне своим вниманием: заглянул пару раз, спросил все ли в порядке. Разумеется, я ответила, что у меня все отлично и все будет готово в срок. Врала, конечно же.

Поскольку в «библиотеке» времени я проводила много, мне нужны были перерывы на обед. Я присмотрела недалеко отсюда небольшой трактирчик. Не ресторация, конечно, но место считалось вполне приличным.

– Не составите мне компанию за обедом? – Робко поинтересовался Понтер, когда я на второй день вновь направилась к выходу, чтобы пойти в трактир.

– Я вообще-то собиралась...

– Пожалуйста! – Перебил меня помощник мастера. – Вас не затруднит, а мне приятно будет, не скучно и вообще...

Мне показалось, что к концу своего выступления тот запал, с которым он начал, растерялся и конец фразы получился смазанным. А ярко-алые пятна на щеках – даже не румянец, а вот такие пятна, довершали это странное выступление.

Вот опять он передает свои распоряжение через помощника, да еще так! Неужели сложно было просто сказать: в моем доме ты можешь рассчитывать и на обед? Ну не верила я, что это инициатива самого Понтера

Расположились мы на просторной кухне, где была и обеденная зона. Простая еда, без изысков, но вкусная. Сначала вежливый, натянутый разговор. А потом непринужденная беседа. Слава всем богам, Понтер перестал меня смущаться, отвечал уверенней, спокойней. Пока мне в голову не пришла дурная мысль.

– Он что, вас принуждает? – Тихо прошептала я.

– К чему? – Лицо Понтера вновь покрылось красными

пятнами.

Тут я поняла, что несколько поторопилась – за пару десятков минут доверительные отношения не выстраиваются, но меня не оставляла в покое мысль, что что-то не так в отношениях между мастером и его помощником.

– К работе на него. И меня позвать сюда, или вот та история с библиотекой.

– Он попросил – я выполнил, – несколько обиженно ответил Понтер. – Разве эд Йенне просил о чем-то предосудительном?

– Нет, но...

– Тогда почему вы могли такое подумать?

Идиотская ситуация. И ни одной умной мысли в голове.

– По вам не очень-то было заметно, что вас устраивает работа здесь, что вы подходите для нее, а она для вас.

Тяжкий вздох и взгляд, сразу придавший молодому человеку несколько лет. Теперь он уже не казался моим ровесником. Определенно старше лет на пять.

– Я, вообще-то, повар. И то, что я появляюсь в зале, или выполняю какие-то другие поручения – моя добрая воля. Помощь хорошему человеку.

Как же стыдно! Понапридумывала всякой ерунды и обидела человека.

– А работа поваром меня целиком и полностью устраивает. Она мне подходит. Уж поверьте.

В это я верила без сомнений. Вот только аппетит у меня

пропал, несмотря на вкусную еду.

– Разве мастер не может нанять...– я запнулась, – более компетентного человека, чтобы в зале работать?

– Не просто компетентного, а еще и уверенного? – Улыбнулся Понтер.

Я с облегчением кивнула. Значит не сильно задела его.

– Может. Нанимал не раз, но пока как-то не складывается.

Мне вновь хотелось ляпнуть что-то вроде: «не выдерживают работы с гением», но вовремя успела поймать едва не выскользнувшую язвительную фразу.

Помимо Понтера, оказавшегося вдруг поваром, на Джетмира работали еще две или три служанки, хотя я видела только одну, и конюх. Со служанкой Кернин я познакомилась ранее – она убирала выделенную мне каморку.

– А почему не складывалось? – Все же не удержалась я от вопроса.

– Понимаете, не все способны спокойно расставаться с сокровищами, пусть они им и не принадлежали.

Ответ не удивил. Я бы тоже с такими сокровищами не смогла бы расстаться. Правда, интерес у меня был к ним не меркантильный. Да и дальше мечтаний такой интерес не ушёл бы.

Чтобы сгладить неловкость разговора и окончательно не настроить против себя Понтера, я предложила ему:

– А может будем на ты? – И смягчила просьбу максимально доброжелательной улыбкой.

- Рассчитываешь тут задержаться?
- Хотелось бы, – не стала отпираться я.
- Удачи, – вполне искренне пожелал Понтер.
- Она мне пригодится.

В течение недели мастер заходил еще несколько раз. Интересовался моими успехами, которыми, разумеется, я похвастаться не могла. Пару раз спрашивал нужна ли мне помощь, все ли мне понятно и по силам. Проверял сдамся я или нет? Я не сдавалась и пыталась, как могла, сделать то, что от меня требовалось.

За день до назначенного срока он заглянул еще раз.

– Как успехи? – Вкрадчиво спросил и нагло сдвинул материал, лежащий на столе.

Эд Йеннер уселся прямо на угол стола, который себе освободил.

– Отлично, – уверенно заявила я, а сама украдкой пыталась спрятать то, что сделала.

– Завтра будем проверять. – Он сделал вид, что не заметил моих попыток. Только уголок губ чуть приподнялся, словно он сдерживал улыбку.

– Травить меня будете? – Буркнула я.

Улыбку он больше не сдерживал, даже рассмеялся в голос.

– Это уже будет зависеть только от тебя. Как справишься. Вот спасибо.

– Так мне завещание писать или нет?

– Много добра нажила? – Мастер даже чуть склонился ко

мне, будто его действительно интересовало мое добро, нажитое за недолгую жизнь.

– Нет. Но если вы так настаиваете, свой набор для плетения бисером я оставляю вам.

– Буду польщен. – Он шутиливо поклонился, спрыгнул со стола и огляделся. Стульев тут больше не было, поэтому он довольствовался лишь маленькой табуреткой.

Теперь уже смех сдерживала я. При своем небольшом росте, на низком стульчике эд Йеннер смотрелся крайне забавно. Понятное дело, уступать свой удобный и высокий стул ему я не собиралась.

– А если серьезно, – произнес он уже без улыбки, но смех в глазах искрил, – завтра продемонстрируешь то, что у тебя отлично получилось. После пойдем в ресторацию – праздновать твои достижения. С эдом Топиасом я уже договорился. Поэтому приходи к шести сюда, а там уже разберемся.

– Или будете там меня поминать.

– Я все же надеюсь, что до этого не дойдет, раз все отлично.

Мне бы его уверенность, но виду не подала – кивнула.

– Тогда, до завтра.

– Всего доброго.

***

Я проснулась рано – будоражили мысли о сегодняшнем

вечере. И все же дома сидеть не могла, да еще и у Даника был выходной. Поэтому нужно было отвлечься.

К тому же и погода была обманчиво ласковой и теплой для этого времени: солнце светило ярко, ветра пронизывающего не было. Вот только стоило оказаться в тени, как холод тут же пробирался под одежду и опутывал снаружи. Как будто он таился и ждал, когда кто-то зазеваается, чтоб напасть: покусать за щеки, ущипнуть пальцы.

– Поехали кататься? – С надеждой спросил Данфер.

Почему бы и нет? Времени у меня еще достаточно до вечера, а находиться в тягостном ожидании и не зная чем себя занять – точно не вариант.

До конюшен Астела мы доехали с извозчиком. Было несколько неловко идти туда, и я очень надеялась, что хозяина здешних владений мы не встретим. Вот только первым, кого мы увидели, и был эд Астел. Вежливый жест приветствия – он приподнял шляпу, кивнул, доброжелательно улыбнулся. Однако глаза сквозили холодом и взгляд расчетливо поблескивал. Хотя, какой он может быть у дельца?

– Зачастили к нам. Наверстываете?

– Да. – В разговор вступать с ним не хотелось, но не отвечать – невоспитанно. – Заодно приобщаю подопечного.

– Я бы с удовольствием присоединился к вам, но увы, дела.

«Мы и не настаивали», – подумалось мне.

– И мне очень жаль, что не получилось с аукционом.

А вот тут я растерялась. Что ответить? Мне-то жаль не было. Я вообще недоумевала над его поступком.

– Как уж получилось. – Я пожала плечами и легонько толкнула в спину Данфера. Надо скорее уходить.

– До встречи!

Я кивнула, побыстрее уходя от него. Что-то неприятное, неестественное просачивалось сквозь его фразы и улыбку. Вроде бы и ничего особенного, но мне было не по себе.

– Он странный, – признался мне Даник, когда мы уже были на достаточном расстоянии от Астела.

– А подробнее? Ты что-то заметил?

– Понимаешь, – начал Данфер, – вот когда я его в прошлые разы встречал тут, он был ровный... Ну вот без вспышек... – Подопечный забавно начал щелкать пальцами, размышляя, какое же слово удачнее подобрать, – вокруг себя. – Даник взмахнул рукой. – Теплый, но спокойный что ли. А вот когда я его встретил не так давно, ну, когда он про тебя спрашивал... В нем был какой-то огонь, яростный. Я подумал... – Тут он густо покраснел и замолчал.

– Неужели подумал, что я ему нравлюсь? – Подсказала я мальчику.

Тот закивал.

– И сейчас ты пришел совсем к другому выводу?

– Как бы тебе сказать... – я терпеливо ожидала, пока Данфер закончит свою мысль. Когда он говорил о своем даре, то почти всегда прерывался, долго подбирал слова, но старался,

чтобы мне было понятно. Хотя было ясно, что ему самому слишком неведомо еще, что же на самом деле представляют и раскрывают его способности. – Так было раньше. Кто-то кому-то нравится и тогда сияние вокруг человека меняется. Или вот когда не нравится, тоже. Но обычно одно от другого легко отделить, но не всегда. Там слишком путано.

– То есть теперь ты думаешь, что я не нравлюсь эду Астелу?

– Я... я не знаю, – он покачал головой. – Просто предупреждаю. Хотя, зря наверно. Мне могло показаться, а ты вон уже разволновалась.

– Ничего. – Я улыбнулась и приобняла Даника. – Все в порядке. И спасибо, что поделился.

Утиненов мы не предупреждали, но видеть нас это семейство было радо. Хотя и встретила нас сначала только эдель Брита.

– Моих мужчин пока нет дома. Вот как раз и поможешь мне на кухне – встретим их вкусным обедом, – сразу же озадачила меня хозяйка дома.

– А я? – Обижено протянул Даник.

Мы с эдель Бритой переглянулись. Что же придумать?

– Хм... почему бы тебе не присоединиться к моему внуку и полковнику?

– А где они? – Тут же повернулась к ней я.

– У соседа. Что старший, что младший теперь все свободное время там проводят.

– Ну ладно Нелнас-младший, а полковник же как?

Эдель Брита отмахнулась: то ли не хотела отвечать, то ли...

– Данфер, так почему бы тебе к ним не присоединиться? – Обратилась она к моему подопечному. – Все ж интереснее, чем слушать наши женские разговоры.

– Но ведь он там никого не знает, – вместо мальчика ответила я.

– Внука моего знает, полковник его в обиду не даст. Что не так?

Данфер ничего не отвечал. Терпеливо ждал, что я решу. Только вот видела я, что он поглядывал в окно – там виднелся луг, за которым и были владения конезаводчика.

– Как же он дойдёт...

– Далеко идти? – Поинтересовалась эдель Брита. – Мино-
вать луг, подойти к постройкам. Если он скажет, что ищет полковника, его точно пропустят и даже проводят к нему. Чего ты боишься?

Я пожала плечами. Все равно как-то не по себе было. Местности он не знает, хотя и заблудиться тут сложно...

– Ну что ты как наседка! – Хозяйка дома даже руками всплеснула.

Данфер же помалкивал и с любопытством наблюдал за нашим противостоянием.

– В школу он же сам ходит? – Я кивнула. – А ведь в городе с ним может случиться больше неприятностей, чем здесь.

– Все так, но...

– Астари, – строго произнесла эдель Брита. – Мальчишке не место у твоей юбки.

Я позволила себя поколебаться ещё пару минут.

– Обещай, что в случае чего, тут же вернёшься обратно?

– Ну что я, разве не дойду, Астари? – С укором спросил Даник.

– Дойдёшь, конечно же дойдёшь. Я так, на всякий случай.

Он не пошёл, побежал. Подопечный быстро скрылся из вида.

– Не родной, а переживаешь как за самого близкого, – произнесла эдель Брита.

Она подошла ко мне со спины вплотную, положила руку мне на плечо и легонько сжала, пока я смотрела за удаляющимся Данфером.

– Так ведь у меня действительно ближе него никого и нет.

Я не врал. У меня есть родители, да. Вроде бы и родные, но далёкие во всех смыслах. И регулярные письма ничуть не делали нас ближе. Да даже когда мы увидимся, я уже не особо верю, что встреча нас приблизит.

– Ну и замечательно! – Нарочито бодро воскликнула хозяйка дома. – Пошли тогда готовить.

– А они точно к обеду вернуться? – Все ещё всматриваясь в окно и не оборачиваясь, обратилась я к женщине.

– Будем надеяться.

– Мне же до вечера нужно возвратиться.

– Наслышана-наслышана. Ужин с известным мастером, – кивнула эдель Брита.

Я чуть не отрезала себе кусочек пальца, пока резала овощи. И даже тут знают!

– И откуда же вам известно? Вы же не были там, да и не особо местными новостями интересуетесь. Или меняете привычки?

– От соседа. – Пожала плечами хозяйка дома, но в то же время бросила на меня внимательный взгляд.

Сейчас же мне захотелось стукнуть себя по лбу.

– Зато столько денег пойдёт на сирот и больных.

– И это замечательно. – И тут в её голосе появились настоятельные нотки: – Но что ты знаешь о мастере Джетмире?

– Эдель Брита, вы же знаете, что я имею некоторое отношение в артефакторике. Поэтому можете, надеюсь, понять моё восхищение этим мужчиной, как мастером своего дела. Он же такие вещи создаёт! Просто невероятные!

– Все-все, – словно сдаваясь, перебила меня женщина, – я поняла, ты покорена им как специалистом или как у вас там это называется.

– Вы решили, что он мне нравится как мужчина? – Удивленно выдохнула я.

– Ну, насколько я поняла, ты была рада, что пойдёшь именно с ним на ужин.

– Сосед сказал? – Поморщилась я.

– Да и по тебе самой видно.

Я удивленно приподняла брови.

– А что вы имеете против мастера Джетмира?

– С чего ты взяла? – Недоуменно переспросила эдель Брита. – Я его совсем не знаю, вот и пытаюсь выяснить все.

Не поверила. Вот не верила я ей и все тут! Темнила полковничья жена, явно темнила.

Я сложила руки под грудью и в упор посмотрела на неё. Эдель Брита не выдержала.

– Не от меня, так от других узнаешь, – махнула она рукой. – Говорят, у него репутация повесы.

Совсем неприлично, но от души я расхохоталась. Невысокий, худощавый и невзрачный лицом эд Йеннер – повеса? Ах да, там и ещё скверный характер прилагался.

– Не веришь?

– Не-а, – покачала я головой.

– Ну и ладно. Давай лучше готовить, а то скоро придут.

Занятые делом, разговоры мы не бросали. Обо всем и ни о чем – действительно, обычная женская болтовня.

Однако к обеду так никто и её пришёл. Я разволновалась.

– Успокойся, придут, – заверила меня эдель Брита. – В крайнем случае пошлю конюха за ними.

За всем этим я как-то не придавала значению словам эдель Бриты, что обедать должны прийти мужчины. Именно во множественном числе.

Поэтому часам к трём пришли двое мальчишек и двое мужчин.

Первыми зашли оба Нелнаса. При этом старший усиленно хромал. Правда, заприметив жену, тут же распрямил спину и попытался как можно непринужденнее ступить на больную ногу. Эдель Брита сделала вид, что не заметила. Можно на что угодно поставить – после полковнику достанется за самонадеянность и наплевательское отношение к своему здоровью.

А вот Даника не было.

– Где он? – Я вскочила со стула навстречу зашедшим Уотиненам.

– Чего ты переполошилась, золотце? В холле он, раздевается, – ответил мне полковник.

Эдель Брита, не скрывая улыбки, покачала головой.

– Это же... Это же волшебно! Вот честно! И как только до такого додумались? – С чрезвычайно важным, но в то же время воодушевленным видом вещал Данфер. – Ты точно расскажешь об этом Астари?

Подслушивать – не хорошо. И благородная эдель так точно не должна поступать. Однако ж я не раскрывала своё присутствие, А наблюдала за беседующими, украдкой выглядывая из-за угла.

– А ты думаешь ей это действительно будет интересно? – Скептически заметил Стейнир.

– Ещё бы! Не сомневайся.

Судя по смешку конезаводчика, он Данику не поверил. Что же они там обсуждали?

– Вот увидишь! – Не унимался мой подопечный.

Я не выдержала и вышла к ним.

– Данфер, я тебя заждалась! – И сделав вид, что только-только обнаружила присутствие его собеседника, добавила: – Добрый день, эд Стейнир.

– Добрый, эдель Астари.

Мне вновь хотелось поторопить Данфера, так как времени у нас было уже не так много. Вот только в очередной раз такая моя реплика будет невежливой по отношению к Стейниру. Или он решит, что я намеренно его избегаю.

– Ну, так ты будешь рассказывать? – Мой подопечный дёрнул Стейнира за руку.

А я недоуменно на них смотрела. И это мой вежливый, порой чересчур кроткий Даник! Вот так, по-свойски обращается к мужчине, которого видел второй раз в жизни. Когда только успели спеться?

– Ну не на пороге же. Да и нас там, вероятно, заждались, – осадил мальчика Стейнир.

Поздний обед не принёс мне никакого удовольствия. Вся собравшаяся компания неплохо проводила время: наслаждалась вкусной едой и не менее приятными разговорами. Даже мой подопечный активно участвовал, рассказывал что-то, сам расспрашивал. А я... на меня напала стеснительность. И вновь все падало из рук: вилка, хлеб, чашка. Вот чашку я вообще разбила.

– Ничего страшного, – ухмыляясь в усы, произнёс полков-

ник и подмигнул мне. — Мне она вообще не нравилась.

— Нелнас! Ты же говорил, что это сервиз твой любимый, — эдель Брита сурово сдвинула брови.

— Сервиз может и любимый, а вот эта чашка — нет.

Я послала полковнику благодарную улыбку и вызвалась убрать беспорядок, организованный мной. Хотя эдель Брит и пыталась меня остановить, но я упорно решила устранить все сама. И пока убирала осколки, пару раз порезалась. А все потому, что некто не сводил с меня задумчивый взгляд. И приятно, и волнительно, и приводит к вот таким неловкостям.

Что ж мне так не везет с руками? Первым, кто заметил мою неприятность, был Стейнир. Он поднялся со своего места и хотел предложить свою помощь. Я закусила губу и покачала головой. Перед глазами стояли сцены годовой давности.

— Я сама, — получилось излишне резко. В попытке смягчить, добавила: — Спасибо, но лучше я действительно сама.

Сбежала на кухню, где вместо поисков аптечки, забыв о ранках, оперлась руками на столешницу и пыталась восстановить душевное равновесие.

Вдох-выдох.

Что было, то прошло? Отступило, отпустило и не держит?

Вдох-выдох.

Прошлое — в прошлом. Я не буду его тянуть и дальше за собой.

– Астари! – Даник залетел на кухню и обхватил меня руками за талию, уткнулся лицом в спину. – Ты ушла, чтобы никто не видел, как ты плачешь?

Вместо ответа я развернулась к нему и крепко. Еще один глубокий вдох, и как успокоительное по нервам растеклось.

– Уже почти не больно, – заверила я Даника.

Мы быстро вернулись к остальным, скомкано попрощались, поблагодарили за гостеприимство и поторопились к выходу.

– Я вас провожу, – вызвалась эдель Брит.

– У вас же гость, – возразила я.

Женщина отмахнулась.

– Считай, что он уже и не гость.

Быстро освоился. И с Данфером вон тоже какие-то разговоры вел, свойские.

– Я прошу прощения, но времени у нас уже действительно больше нет.

– Прихорашиваться будешь? Боишься не успеешь? – Тон, которым это спросила эдель Брит, мне категорически не понравился. Злой, отрывистый. И утихшая было горечь вновь поднялась во мне.

– Да думайте что хотите. А не то, что опаздывать, в принципе, нехорошо.

– Астари, девочка, просто буду осторожна.

«Нянюшкам», Банафрит и Элодии, мастер не внушает доверия, эдель Брита тоже придерживается этого мнения. Тут-

то мне и хотелось назло им рассказать, что за отношения у нас с эдом Йеннером. Тем более я сама фактически навязалась ему. Но кому от этого легче станет?

Данфер держался в седле все ещё неуверенно, поэтому быстро ехать мы не могли. И я катастрофически опаздывала. Рассчитывала, что везде успею, а на деле...

– А скажи-ка, хороший мой, о чем вы секретничали с эдом Стейниром, да ещё и на «ты» к нему обращался? – Спросила я, чтобы отвлечься от неприятных дум.

– Он сам тебе все расскажет, – буркнул Даник, явно довольным нашим быстрым отъездом. – Наверно.

Привести себя в порядок я не успела толком. Лишь переодела платье, наспех собрала волосы в привычный пучок, да заколола вечно выбивающиеся непослушные пружинки волос.

Глава 6

Мастер стоял на крыльце. Ни дать не взять строгая маменька, встречающая припозднившуюся дочь. Он демонстративно достал часы, открыл их крышку, внимательно посмотрел на циферблат.

– Намекаешь, что нам все же стоит перейти к другим отношениям? – В голосе его как будто даже мурлыканье слышалось. А мне стало не по себе. Что вообще происходит? Неужели «нянюшки» правы?

– Я прошу прощения, не рассчитала со временем.

– А я задал вопрос, – все также вкрадчиво промурлыкал мастер.

– Но я не понимаю, что вы имеете в виду, – недоумевала я.

– Опаздывать принято на свидания, а не деловые встречи! – Рывкнул эд Йеннер, круто развернулся на каблуках и захлопнул перед моим носом дверь.

Растерянно уставилась на дверь. И что, это все? Я упустила так лелеемый мной шанс? От обиды хотелось плакать. Хотя на кого обижаться? Если только на себя.

Дверь открылась. Хмурый мастер, прищулив глаза, произнёс:

– Благородная эдель, вам нужно особое приглашение?

Если назвал меня на вы, значит он зол и даже очень. Один раз уже убедилась, когда потеряла один из инструментов и

рассказала об этом мастеру. Правда, инструмент нашёлся у самого эда Йеннера – он взял его у меня и забыл.

Но еще одного приглашения мне не надо было. Быстро проскользнула в коридор и аккуратно прикрыла за собой дверь.

В мой каморке на столе стояли шесть тарелок с пирожными, причем моими любимыми.

– Прошу. – В их сторону взмахнул рукой мастер. – Выбери.

– Сколько? – Мой голос сорвался на хриплый шепот. Я не верила, что эд Йеннер меня отравит, однако моего страха это не отменяло.

– Только одно.

А вот теперь страх полностью завладел мною. Дрожащими руками я достала из ящика заготовленный амулет – корявое подобие подвески. Мне не хватило ни физических, ни магических сил сделать надежные захваты для камня, поэтому в любой момент алмаз грозил выпасть из оправы. Неограниченный камень не сверкал, выглядел неказисто, но именно в таком виде на нем лучше всего держалось заклинание. Сама подвеска была на шнурке, обычном, кожаном, грубоватом. Мне было не до изысков. Хотя можно было попросить мастера об одолжении...

Я кивнула мастеру и принялась за то, что от меня и ждали.

Подвеска как маятник раскачивалась в моей руке. Одно, второе третье... Я ничего не чувствовала. Не мог же меня эд

Йеннер обмануть? Значит, амулет не работал. От напряжения лоб покрылся испариной. Закусив губу, я все равно продолжала водить амулетом над угощением, которое в данный момент вызывало у меня отнюдь не аппетит.

Мастер стоял у стены. Сложил руки на груди и внимательно следил за мной. Спокойный, даже несколько расслабленный. Уже ни тени недовольства или злости.

Амулет должен был дать мне знать легким покалыванием в пальцах, какое именно пирожное отравлено. А учитывая, что отравленными должны быть пять... Ни одного намёка не было.

Я присмотрелась. Лёгкое, еле заметное свечение амулета над всеми тарелками. Провела ещё раз. Сравнила. Лишь над одним свет практически потух и был таким тусклым, что едва наблюдался. Проверила в последний раз. Тоже самое. Пусть будет это!

– Вот это.

– Ну что же вы застыли, благородная эдель. Пробуйте! – Едко отозвался мастер.

Я перевела взгляд с него на пирожное. Красивое, с шоколадной поблёскивающей глазурью. Желудок тревожно сжался.

– Не любите сладкое?

Во рту у меня пересохло. Я откусила кусочек и с трудом сглотнула. Наверное, и правда вкусно, вот только я этого не ощущала.

Пирожное камнем обосновалось у меня в желудке. Вполне возможно было достаточно и одного кусочка, но я с остервенелой жадностью расправилась со всем.

– И долго ждать? – Прокашлявшись, поинтересовалась я.

Мастер вновь ловко вытащил из кармашка жилета часы на изящной цепочке.

– Мы должны были выйти отсюда еще полчаса назад, – скучающим голосом произнес он.

– И больше вы мне ничего не скажите? – Упавшим голосом спросила я.

– О-о-о, я вам, – противно протянул мастер, – много чего скажу, выскажу. Как только придем. – И уже более спокойным тоном бросил: – Времени мало, пошли.

И мы действительно пошли, пешком, при том, что опаздывали.

Ну вот что он за человек, почему ничего не говорит сейчас?! Специально меня нервирует? Нет, я была уверена, что со мной все в порядке, и что амулет сработал. Хотя не все же яды мгновенные... Подумаешь, скончаюсь во время ужина на глазах у половины знати города. В голову лезли дурные мысли: даже если яда вообще никакого не было, то мне стоило бы подавиться, например, косточкой, чтоб гадкому мастеру неповадно было! Вот назло ему!

Шли рядом мы, вроде как и вместе, но порознь. У эда Йеннера было такое непроницаемое выражение лица, что я понимала – задела его, очень сильно задела.

– Почему пешком? У вас же должен быть экипаж. Ну извозчик, в крайнем случае... – Последнее слово я уже говорила очень тихо – перехватила раздражённый взгляд мастера.

– Я люблю пешие прогулки. И даже из-за твоего опоздания не собираюсь лишать себя этого удовольствия.

Так в молчании мы и дошли до ресторации.

– Остались два столика, – оповестил нас метрдотель. – Заказанный вами ранее, пришел отдать другим, мы ведь предупреждали...

Мастер укоризненно на меня посмотрел, но все же поинтересовался моим мнением:

– В центре зала или угловой?

Из-за аукциона сегодня тут было достаточнолюдно: знатные или просто обеспеченные мужчины со своими спутницами. Многие из них были будущими супружескими парами – это я успела услышать, когда ожидала своей очереди тогда у помоста.

– Угловой.

Небольшой столик, как раз на двоих, находился в углу, поэтому был не особо заметен для других.

Нам принесли меню, но эд Йеннер отодвинул свою в сторону, склонил голову набок, чуть прищурил глаза и сказал:

– Неправильная реакция.

– Что простите?

– Где восхищение интерьером, собравшегося здесь общества, восторги и все остальное?

Я поперхнулась водой, которой торопилась запить все ещё не дающее мне покоя пирожное.

– Здесь мило, – пожала я плечами.

– И только? – удивился мастер.

Ничего не ответила и уткнулась в меню. Не рассказывать же ему, что меня таким местом не удивишь. Не то, чтобы я часто в них бывала, но приходилось иногда. Хотя он сам прекрасно знал, у кого я жила до этого. К чему тогда удивляться?

Есть мне, понятное дело, абсолютно не хотелось, но и совсем не делать заказа было нельзя. Пришлось выбрать что полегче. Мастер же ни в чем себе не отказывал. «Куда только все это в него влезет?», – подумала я.

И пока эд Йеннер перечислял свои многочисленные пожелания, я прожигала его взглядом. Официант ушёл, а мастер послал мне, можно даже сказать, обворожительную улыбку.

– Ну ладно, ладно, – он даже рассмеялся, – ты угадала.

– Как угадала? – Выдохнула я. – Амулет не сработал?

Мастер откинулся на спинку стула, сложил руки на груди и широко улыбнулся. При этом не сказал и слова, лишь улыбался и смотрел на меня веселым взглядом.

Я села так же как и он – скопировала позу.

– Хорошо, – чуть ли не прорычала я, – что я сделала не так?

– Да все. Желаете подробностей, благородная эдель? – Чуть подался вперед эд Йеннер.

Его привычка задавать очевидные вопросы, все больше меня раздражала. Однако ж я мило улыбнулась и спокойно сказала:

– Было бы неплохо, досточтимый мастер.

– Подождем, пока не принесут заказ, – растягивал ожидание он. – И за вкусным ужином вернемся к занимательной беседе.

Надеюсь, то, как я скрежетала зубами, было не слишком слышно.

Мастер как ни в чем не бывало действительно отдавал дань превосходной кухне эда Топиаса. Я же к еде не прикасалась, а хмурым взглядом буравила сидящего напротив. Мысли были вообще-то крамольные: от «чтоб ты подавился!» до «может, когда поест, наконец-то, пообреет?». Взгляд мой никакого действия не возымел. Совсем наоборот, промокнув салфеткой губы, мастер едко ухмыльнулся и вкрадчивым голосом спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.